

Дмитрий Вернидуб

Полынь и порох

Вернидуб Д. В.

Полынь и порох / Д. В. Вернидуб —

Россия, залитая огнем Гражданской войны, кровавая мясорубка на Дону, некогда прозванным Тихим... Трое молодых парней, недавних гимназистов, сражаются против красных. В их душах любовь к тому миру, который рушится на глазах. В их сердцах ненависть к захлестнувшему родину бесовским ордам. Как выжить в этом кошмаре и остаться людьми? Как победить предательство, пустившее корни в самом сердце белого казачества?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Вернидуб

Польнь и порох

Глава 1

«...По приглашению атамана Каледина во дворец на утреннее экстренное заседание собрались члены Донского Правительства, прибывшие, кстати сказать, далеко не в полном составе.

Каледин в сжатой форме доложил обстановку.

– В моем распоряжении, – докладывал Атаман, – находится сто, самое большее – сто пятьдесят штыков, которые и сдерживают большевиков на Персиановском направлении. Перед вашим приходом я получил сведения от приехавшего помещика, что колонна красной кавалерии, по-видимому, обойдя Добровольческую армию, движется по направлению к станции Грушевской. От генерала Корнилова мною получена телеграмма. Корнилов извещает о своем намерении покинуть Ростов и настоятельно просит срочно отправить офицерский батальон с Персиановского фронта в его распоряжение. Как видите, дальнейшая борьба невозможна. Она приведет к бессмысленным жертвам и напрасно пролитой крови. Прихода большевиков в Новочеркасск можно ожидать с часу на час. Мое имя, как говорят, „одиозно“. Поэтому я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и Правительству. Прошу высказываться, но как можно короче. Разговоров и так было достаточно. Проговорили Россию...

Впервые за все время никто из членов парламента не протестовал. Слова Атамана и его решительный тон с одной стороны, с другой – безысходная, жуткая обстановка, угрожавшая их личной безопасности, – очевидно, произвели на присутствующих удручающее впечатление. Все быстро согласилось с Калединым, сложили свои полномочия, решив передать власть Городской Думе и „демократическим организациям“. Предполагалось составить официальный акт о передаче власти к четверем часам пополудни. Но не успели последние члены Правительства покинуть дворец, как с быстротой молнии пронеслась весть, что Донской атаман Алексей Максимович Каледин выстрелом покончил счеты с жизнью...

В конце января – начале февраля 1918 года объединенные красногвардейские отряды, используя как плацдарм близлежащие, населенные шахтерами территории, повели наступление на донскую столицу. Падение Новочеркасска становилось неизбежным, и предчувствие неотвратимой катастрофы овладело всеобщим сознанием, стгущая нездоровую предгрозовую атмосферу. Страх и отчаяние, озлобление и разочарование, а вместе с ними преступная беспечность захватывали массы.

Новочеркасск, в сущности, был открыт и легко уязвим, и всякая мысль об ответной наступательной операции отпадала сама собой. Добровольческая армия Корнилова и Алексеева покинула город, сейчас она оставляла Ростов, а главный источник подпитки ополченческих частей (по аналогии с Отечественной войной 1812 года именовавшихся партизанскими отрядами) – юнкера, студенты, гимназисты и редкие, верные присяге офицеры и казаки – почти совсем прекратился».

Из дневников очевидца

Два человека, один в штатском, другой – в военной форме, стояли посреди улицы на пронизывающем февральском ветру.

– Я сам видел, как полковник Федорин пересчитывал и принимал ящики! – поправляя пенсне, возбужденно шептал фотограф Ценципер. – Я даже снимок сделал! Вот, смотрите: в штатском – представитель Добрармии. Он в чине генерала. Я месяц назад его при всем параде... художественно... А это ваш полковник Смоляков, а это...

– Послушайте, маэстро, – перебил его казачий офицер в чине подьесаула, – то, что вы отменный портретист, весь Новочеркасск знает. А по мне, так лучше бы «физиономию» ящика предъявили, как говорится, анфас и профиль.

– Обижаете, Валерьян Николаевич. Я и так сильно рисковал. Шутка ли – два часа в пакгаузе сидеть. А если б они его проверили? Да и что, у меня труба подзорная вместо объектива, что ли?

– Ладно, ладно... Дальше.

– Как только ящики выгрузили – а они, замечу вам, хоть и невелики, но два казака еле тянут, – сам Походный атаман пожаловал. С бо-ольшой охраной!

Тут, пропуская мимо офицерский патруль, подьесаул Валерьян Николаевич Ступичев отвернулся и сделал вид, что прикуривает.

– А что же, полковник Смоляков с чинами отбыл?

– Да нет, – замотал головой фотограф, – с грузом.

– Вот это уже утешает, – собеседник Ценципера провожал взглядом ссутуленные холодом спины патрульных, выдерживая паузу.

– Итак, – продолжил он, подводя черту, – вы помните, что делать. Лошадей наймите получше, да не торгуйтесь. И матросов, и грузовик ждите у кладбища. Могилу выройте подальше и поглубже. Ясно?

– Да. Но зачем могилу?

– В одном из ящиков превосходные клише для печати немецких марок. Это имущество бывшего разведотдела Генерального штаба. Вы хотите стать миллионером, Ценципер?

– Очень хочу. Только вот... – Похожий на клетчатого грача фотограф замялся. – Сейчас денег дадите?

Офицер досадливо поморщился, сунул клетчатому пачку кредиток и, подняв воротник, зашагал прочь.

* * *

Собранный с миру по нитке отдел оперативной связи включал в себя нескольких штабных офицеров во главе с полковником Смоляковым, по совместительству вторым генерал-квартирмейстером, десяток штатских телеграфистов и взвод полевой связи численностью не более отделения, мотавшийся вокруг Новочеркасска на чихающем грузовике. Подьесаулу Ступичеву, поступившему на службу сравнительно недавно, было поручено составление ежедневной оперативной сводки на основе телефонных и телеграфных сообщений. Валерьян Николаевич, по документам – демобилизованный офицер, был исполнительен, аккуратен и у начальства нареканий не вызывал. В сложившейся обстановке, когда красные все туже сжимали петлю осады на горле агонизирующего города, такие качества были весьма похвальны.

После трагического самоубийства донского атамана Каледина мысли большинства офицеров штаба были направлены в основном на изобретение планов наиболее безопасного бегства. Об этом говорили открыто, не стесняясь. Тем более что на следующий день после роко-

вого выстрела недосчитались нескольких высших чинов. Возник большой спрос на штатское платье, транспортные средства и накладные бороды. Градом посыпались рапорта о болезнях.

В этой обстановке вновь назначенный Походный атаман Попов и его начальник штаба полковник Федорин проявляли удивительную таинственность. Они только и делали, что созывали закрытые совещания. А их равнодушие и беспечность в отношении подчиненных вынуждали каждого заботиться о себе самостоятельно.

Казалось, в штабе остались только два самоотверженно работающих офицера – полковник Смоляков, назначенный исполнять обязанности «заболевшего» 2-го генерал-квартирмейстера, и подьесаул Ступичев.

Последний явно зачастил с визитами к хозяину фотоателье Ценциперу. Их пару раз видели за богато накрытым столом в ресторане гостиницы «Московская» в обществе фривольных дам, а также хорошо одетого, похожего на часовщика господина с акцентом.

А десятого числа Ценципер заявился прямо в штаб.

– Вы с ума сошли! – зашипел на него Ступичев. – Позвонить нельзя, что ли?

– Да бросьте уже, Валерьян Николаевич, не сегодня-завтра начнется такой драп... Сиверс уже вошел в Ростов! Сами знаете, что пора. Мне сообщили: матросы на подходе.

– Пора будет, когда побегут, – Ступичев схватил Ценципера под руку, увлекая в отдельную комнату. – Голубовцы заняли Бессергеновку – я никому не докладывал. Да и некому. Одно слово – бардак. Подождем «внезапного» штурма.

Всю ночь ружейная трескотня и пулеметные очереди сотрясали окраины Новочеркаска. Рабочие и уличный сброд неказачьего происхождения, вооруженные заводскими комитетами, нападали на патрули и принялись выбивать ополченские караулы из предместий.

Алешка Лиходедов и начальник караула старший урядник Угода то и дело осторожно выходили на улицу, вслушиваясь в хлопающую выстрелами темноту.

Где-то в районе вокзала настойчиво, длинными очередями лупил пулемет. Слева, судя по всему, в районе Барочной, и справа, у Петербургского спуска, шли ожесточенные перестрелки.

– Пока держатся юнкера! – одобрительно кивнул Угода.

Пожилой урядник атаманской сотни ломал не одну войну, и его словам можно было верить.

– А это что? – взволнованно спросил Алексей, после того как квартала за три бухнула одна, а затем вторая граната.

– Немецкие, – важно покрутил ус казак. – Кажись, отходят.

– Кто отходит? Куда? – не понял Алексей.

– Ну, ты даешь! Я те че, гадалка? Те, кто на ваших партизан наскочил. Голодранцы, наверное. По-крупному, видать, только поутру начнут.

– Черт! – Алексей вдруг вспомнил про партизанское общежитие на Барочной, куда собирався накануне его друг – Серега Мельников. Больше недели назад они с Шуркой Пичугиным записались в партизанский отряд полковника Чернецова, вместе с другими отрядами народного ополчения оборонявший подступы к Донской столице.

– Пошто нечистого поминаешь? – покосился урядник.

– Серега – да вы его знаете – туда пошел! У нашего ротного вчера именины были.

Угода сокрушенно покачал головой.

В Казначействе их было трое: Алексей, урядник и очкарик Шурка – вторая караульная смена, приставленная охранять какие-то ящики.

Массивные кованые двери и зарешеченные окна здания внушали уверенность, что до утра их караул продержится. А утром из штаба Походного атамана обещали приехать за грузом, доставленным несколько дней назад из Ростова. Судя по сопровождению, груз был очень ценный, и это означало, что о нем вряд ли забудут.

Закрыв двери на засов, Алешка уселся на мощный, с зеленым сукном стол. Наверное, это массивное сооружение из дуба служило не одному поколению счетоводов, а вот теперь стояло, разжалованное, в большом и гулком коридоре. Выдвинув ящик, бывший гимназист зевнул, вынул оттуда котелок с давно остывшей кашей и принялся лениво ковырять содержимое ложкой. Каша плохо отставала от стенок и была жутко невкусной. Через силу жуя, Лиходедов старался думать о чем-нибудь приятном, чтобы забыть о стрельбе на улице и требованиях собственного желудка.

Шестнадцатилетнему пареньку, чью судьбу подлым образом изменила грянувшая в прошлом году революция, представилось, будто он танцует на выпускном балу с очаровательной барышней. У нее зеленые глаза, тонкая талия и светло-русые, заплетенные в косу волосы.

Как у той девушки.

Он видел ее всего несколько раз, но образ запечатлелся столь ярко, что Алешка постоянно воображал себя на месте «счастливчика». Так именовался каждый из гимназистов-выпускников, которому не было отказано в приглашении на танец.

В прошлом году Алексей с ребятами проник на выпускной бал через окно, и старшие разрешили постоять в сторонке. А та девушка, легкая и сияющая, все кружилась в вальсе, одаря партнеров счастливой непринужденной улыбкой. Он попытался узнать ее имя, но «счастливчики» только посмеялись.

Образ загадочной незнакомки будоражил сознание паренька несколько месяцев. Наконец, проследив, он узнал ее имя, которое оказалось неожиданно простым и мягким – Ульяна.

Потом было еще несколько случайных встреч. Юноша завороченно смотрел вслед красавице, не решаясь подойти и заговорить. А что если она посмеется над ним? Нет уж, лучше так, издали любоваться ее плавной походкой, мягкими жестами, слушать грудной журчащий голосок.

Алешка уже целовался с девчонками, дважды... Первый раз в детстве, на заднем дворе, с влюбленной в него соседской девочкой Танюшей, а второй – с кузиной Элеонорой, приехавшей с родителями летом погостить. Кузина, томная девица, была старше на два года и сразу расставила точки над «і»: «Нам обоим нужна практика, чтобы при случае не ударить в грязь лицом». Но все эти волнительные для юной души воспоминания меркли перед воображаемой встречей с предметом тайного поклонения.

Однажды он встретил Ульяну в хлебной лавке. Но между ними встрял какой-то упитанный господин, плечо которого и приняло нечаянный толчок упругой девичьей груди. Красавица охнула и покраснела, но толстяку было плевать. А он, Алешка, дорого бы дал за такое прикосновение.

Из узенькой ладошки на пол высыпались монетки, и девушка, присев, принялась их подбирать. Одну подал Лиходедов, обратившись к ней по имени. Ульяна поблагодарила и посмотрела с удивлением:

– Мы знакомы?

Упустить столь удобный момент было бы полным идиотизмом. Выйдя из булочной, Алешка, набравшись смелости, спросил:

– Уля, вы не станете возражать, если я провожу вас до дома?

Она не возражала. Ульяна оказалась общительной, совсем не ломакой. Оживленно болтая, прошли по Горбатой до ее двора, посидели немного на лавочке. Оказалось, что Улин отец – доктор. Алешка вспомнил, что однажды попадал к нему на прием с ангиной.

Ульяна, Уля... Красивое русское имя. Где теперь эта легкая, очаровательная плясунья? Последняя встреча случилась неделю назад и вышла совсем не радостной. С тех пор они больше не виделись.

Даже если обоюдная обида прошла, до свиданий ли сейчас? Вокруг идет настоящая война, в детстве казавшаяся желанной и героической. С непременно побежденными врагами

и победителями – «нашими», среди которых бывают только раненые. А на войне, оказывается, убивают. Откуда эта напасть взялась, откуда примчалась, калеча привычный мир, заливая улицы кровью? Может, Улина семья уже отправилась за границу, как многие? Лучше бы так... Или нет? Завтра после дежурства он сбегает к ним домой и все узнает. И, если увидит ее, извинится... Эх, дурак!

Алешка, записавшись вместе с друзьями в партизанский отряд полковника Чернецова, дома ничего говорить не стал. Живо представил себе рыдающую в голос мать, растерянного отца и решил оставить записку. Наверное, это получилось жестоко, но сил на объяснения не было.

Увидев его издали, Серега Мельников, стоявший с другими гимназерами у входа в канцелярию Походного атамана, замахал руками. С минуты на минуту ждали выхода начальства и построения. Пичугина не наблюдалось.

Шурка опоздал. Вид у него был унылый.

– Что, телеграфист не приехал?

У тщедушного очкарика Пичугина на руках оказались заболевшие старики-родители и младшая сестренка. Но Шурка упрямо утверждал, что на днях к ним приедет тетка с мужем-телеграфистом, драпанувшим из-под Воронежа, и все устаканится.

Пока друзья обсуждали Шуркину ситуацию, на крыльце появился ротный Осниченко. Лихо заломленная папаха очень шла студенту четвертого курса Донполитеха. Гораздо больше, нежели форменная фуражка. Подтянутый, в ремнях и начищенных сапогах, с маузером на боку, ротный имел героический вид.

– Вновь прибывшие, построиться! – скомандовал он – Так. Раз-два-три-четыре... Двадцать один. Почти взвод. С чем вас и поздравляю!

Осниченко торжественно выдержал паузу.

– Господа партизаны! Сейчас мы пойдем в Арсенал и получим оружие. Затемждемся поручика Курочкина – и на вокзал. Там будет теплушка до Сулина.

– Александр Николаевич, разрешите обратиться! – Алексей выступил вперед. – Партизан Пичугин сегодня никак не может ехать со всеми.

– Это еще почему?

Пришлось объяснить ситуацию.

– А вы чего ж молчите? – упрекнул ротный потупившегося Шурку. – Ладно, все равно просили двух человек оставить пока при штабе, для охраны Казначейства. Вот вы, Пичугин, и вы... Как ваша фамилия? Лиходедов? Вот вы и останетесь.

– Да не переживайте, – ротный посмотрел на возмущенного таким поворотом Алешку, разлученного с Мельниковым, – на фронт успеете. Я через неделю опять за пополнением, тогда вас и товарища вашего очкастенького прихвачу.

Пичугин сразу воспрял духом. В отличие от Мельникова, Шурка был натурой крайне впечатлительной. Когда маленький, похожий на воробья парнишка чувствовал угрызения совести, у него начинал дрожать голос, а на голубые глаза-пуговицы наворачивались слезы.

– Ну вот, Пичуга, а ты боялся, – Мельников большой ручищей, аккуратно, боясь сбить очки, нахлобучил на Шурку фуражку. – Теперь спокойно дождешься телеграфиста, в тряпки его душу! Да не дрейфь, поправятся твои, так-разэтак!

В Серегинем лексиконе, который он в основном позаимствовал от отца, было много всяческих «вертких» выражений, и он не задумываясь их применял. Однажды на уроке географии Мельников, отвечая на вопрос о Мадагаскаре, пробасил: «Да остров это такой, тяни его налево». Учителя чуть удар не хватил, а Серегу с тех пор прозвали «бурлаком». Прозвище свое он оправдывал, поднимая, таская и толкая больше всех. Его всегда звали на помощь, когда требовалась физическая сила. Всей округе были известны его справедливый характер и тяжелый кулак.

У ворот Арсенала новоиспеченных партизан дожидались семеро уже вооружившихся студентов. К зависти гимназеров, старшие товарищи по очереди за руку поздоровались с Осниченко.

Новые, пачкающиеся маслом трехлинейки, подсумки для патронов, солдатские вещмешки типа «сидор» с сухим пайком выдавали два казака-инвалида. С жалостью глядя на пацанов, они сокрушенно качали головами:

– Ну, куды они вас угоняють?... Та разве ж можно таких под пули!

Выкатили станковый пулемет.

– Кто знаком с господином «максимом»? – весело спросил Осниченко.

Гимназисты замялись.

– Будешь пулеметчиком. И подыщи себе второго номера, – ротный хлопнул по плечу рослого Мельникова и перешел опять на «вы». – Я вам, уважаемый, по дороге лекцию читать буду, пулеметную.

Звуки ночных перестрелок, словно волны, накатывались на городской центр. Пулеметная трескотня на ведущих к вокзалу улицах стихла, зато со стороны Грушевки по окраине стали бить из орудий. В районе рынка тоже шел бой.

На улицу не выглядывали, а свет оставили только внутри, в караулке. Шурку отправили на второй этаж за водой. Пока Пичугин гремел по лестницам чайником, Алешка раскопегаривал примус. Угода задумчиво пускал клубы душистого самосадного дыма, время от времени покачивая головой в ответ на особенно близкую ружейную пальбу.

Пичугин вернулся встревоженным. Алешке показалось, что даже конопушки на остреньком Шуркином носу от волнения слегка поблекли. Оказалось, на втором этаже шальная пуля расколотила окно, как раз в тот момент, когда гимназист проходил мимо.

Алексей пытался пошутить, что, дескать, главное, чайник цел, но Пичугин даже не улыбнулся. Впечатлительный Шурик, наверное, только сейчас до конца прочувствовал, что ношение винтовки сопряжено с риском для жизни. События же нынешней ночи не оставляли никакой надежды на то, что в ближайшем будущем жить на свете станет безопасней.

– Так и полыхает! – Круглые пичугинские глаза сквозь стекла очков казались еще больше. – Как раз где общежитие. Там бой идет.

От Шуркиных речей стало не по себе. Лиходедову сразу вспомнился совместный поход в пивную и их с Мельниковым разговор.

– Серега, а ты помереть боишься? – спросил тогда Алексей у товарища.

Здоровяк Мельников замер, упершись взглядом в стоявшую перед ним кружку.

– Это если убьют, что ли? – переспросил он и тряхнул русой челкой. – Если сразу – то не боюсь. А так...

– А я вдруг про родителей подумал. Как они переживут такое?

– Дребедень. А как другие переживают? Разговор был всего-то неделю назад, а обстоятельный силач Серега успел уже побывать в настоящих боях под Каменской.

...Мельников жил на углу Барочной и Кавказской. Вчера утром, спускаясь по Почтовой улице, Алексей лишь чудом не набрал полные ботинки талой воды, ручейками сбегавшей в обрывистую балку.

Калитка была открыта. Старый дворовый пес по кличке Янычар, узнав Алешку, радостно завертел хвостом и ткнулся мордой в колени.

Сережка сидел на кухне и пил чай из самовара, обняв дымящееся блюдо закопченными ладонями.

– Я думал, это мать, – удивленно улыбнулся он, – она на базар пошла.

– Греешься?

– Ага, – Мельников аппетитно прихлебнул, – за эти дни так окошел, что никак не оттаю. – Он опять улыбнулся, но уже как-то грустно. Всегда и так казавшийся старше своих сверстников

физически крепкий Серега выглядел еще взрослее, словно с момента расставания прошла не неделя, а несколько лет.

Алексей снял с плеча винтовку и поставил в угол рядом с Серединой. Мельниковская успела потерять заводской блеск и была вся в царапинах. Никто б не подумал, что номера этих трехлинеек отличаются всего на одну цифру. К тому же на хозяйской Лиходедов насчитал пять зарубок. Поймав Алешкин взгляд, Мельников пояснил:

– Трое в Глубокой, душу их в тряпки, и два под Персиановкой.

– Ну да?! А пулемет?

– Еще у Сулина раскорезило, так-разэтак. Снаряд, будь он неладен.

Пока оттаивающий Серега рассказывал, как часть их отряда вырывалась из-под Глубокой, пришла его мать.

Жили они втроем. Сергей, мамаша и бабка – отцова мать, которая часто навевалась в Заплавскую, к своей родне. Мельников-старший погиб еще весной 1915-го. Здоровенный был человек, из потомственных казаков. Перед германской стал работать в кузнице у Сенного рынка, все хотел дело свое открыть: ковать художественные ограды. Но война помешала.

Серега вышел весь в него – такой же высокий, сильный, упрямый, с прямой русой челкой над сдвинутыми бровями, часто немногословный, и ругается точь-в-точь как отец.

– На базаре паника. Только и разговоров, что про смертоубийство Каледина, да что от Грушевки красная конница наступает, – с порога сообщила Середина мать, тетка Варвара, снимая платок и здороваясь с Алексеем.

– Если б наступала, то уже бы у нас во дворе была, итить ее в гроб, – мрачно заметил Серега. – Мы про нее еще утром слышали. А насчет Каледина я так думаю: «Бог простит, а Дон отомстит».

Тетка Варвара вздохнула и в шутку погрозила сыну пальцем:

– Шош ты будешь делать... Опять ругается, ну чистый батька!

Действительно разъезды, высланные в тот день в направлении станицы Грушевской, никакого противника не обнаружили. Видимо, местный помещик, прибежавший в штаб с этой ужасающей вестью, с перепугу принял за колонну красной кавалерии гурты скота.

Пока Серега прорывался с частью отряда из-под Персиановки, Алешка с Шуркой гордо расхаживали по городским улицам с винтовками на плечах. Когда заканчивалось их дежурство в Казначействе, гимназисты доставляли пакеты, расклеивали атаманские воззвания. Один раз даже разыскивали цыгана, умыкнувшего полевую кухню от партизанского общежития на Барочной улице.

С помощью знаний, почерпнутых Пичугиным из рассказов про сыщиков, пропажа в конце концов была обнаружена. Так и осталось неизвестным, что прельстило похитителя: пара убогих лошадок или содержимое кухни. Но когда кухню, еще теплую, нашли во дворе на Песчаной, ни того ни другого уже не было. Однако за возврат казенного имущества Алешку и Шурку лично поблагодарил полковник Смоляков, в ведении коего оно и находилось.

Дома у Лиходедовых считалось, что сын служит курьером при штабе. Правда, у матери случилась истерика, когда Алексей заявился домой с новенькой винтовкой, но отец ее успокоил, сказав, что «теперь оружие кому только не выдают, а раз и Алешке выдали, то, вероятно, считают, что так лучше...» И что-то еще в том же духе. Мать сделала вид, что поверила, но патроны все же спрятала, «чтобы Алешенька, не дай Бог, кого-нибудь не ранил».

Пришлось пару дней занимать патроны у Пичугина. Вскоре боеприпасы были обнаружены за образами, и больше никто из домочадцев на них не покушался.

Дежурство в Казначействе длилось сутки через сутки. Алешку и Шурку меняли два прапорщика – бывшие добровольцы, не пожелавшие уходить с Корниловым. Их сменой командовал земляк старшего урядника Угоды – вахмистр Тюрин. Алешка слышал, что прапорщиков собирались отправить под Персиановку – офицеров в отбивавшихся от большевиков парти-

занских частях катастрофически не хватало, – а на их место прислать солдат-связистов. Сутки назад сняли и жидкое уличное оцепление...

Алексей вздрогнул – зазвонил телефон. Угода поднял трубку.

– Алле. Старший караула урядник Угода слушает! Точно так, постреливают вокруг. Есть груз готовить! Будет исполнено, ваш высокородь!

Положив трубку, урядник озадаченно крякнул:

– Звонил второй генерал-квартирмейстер полковник Смоляков. Наказал груз отпереть и сносить к дверям. Скоро подадут грузовик. Старший команды – подьесаул Ступичев.

«Ступичев... Ступичев... Что-то знакомое!» – подумал Лиходедов.

– Видать, совсем худо дело, раз Походный свои железяки увозит, – вздохнул Угода. – Сдадут город.

Алешка переспросил:

– Железяки? Василь Василич, а что там?

Урядник пожал плечами:

– А бес его знает... В документах написано: «Части печатных машин государственного Монетного двора. Из Петрограда».

С улицы послышался рокот мотора, в зарешеченных окнах мелькнул отсвет фар. Грузовик сдал задом, встал почти вплотную к дверям Казначейства. Приехавшие ни глушить мотор, ни сигналить не стали. Раздался настойчивый стук прикладов в дверь.

По разработанному ранее плану Алексей и Шурка примкнули штыки, схоронились за караульное помещение и прицелились.

Старший караула с наганом в левой руке и шашкой наголо в правой приблизился к двери.

– Кто идет?

– По поручению полковника Смолякова офицер отдела оперативной связи подьесаул Ступичев!

Угода отодвинул засов. В дверь просунулся офицер и протянул бумаги:

– Мои документы и наряд на груз.

Урядник вогнал шашку в ножны и отошел на свет. Глянув на фамилию и печать Всеволодского Войска Донского, сказал:

– Пожалте, ваш высокбродь.

Офицер был в светлой бекеше и низко надвинутой черной мохнатой папахе. Правую руку он держал на перевязи. Проходить в коридор штабист не стал. Увидев вышедших из-за караулки стрелков в гимназических шинелях, подьесаул кашлянул в кулак, а потом, обращаясь к Угоде, хрипло сказал:

– Со мной двое солдат. Поможете – быстрее будет. А я к шоферу.

После звонка из штаба караульные успели вытащить из хранилища только пять ящиков. Погрузив их, караул и двое солдат-связистов успели перенести в кузов еще семь.

Вдруг из грохочущей темноты со стороны Ратной улицы выбежали вооруженные фигуры. Оглядываясь назад и отбрасывая впереди себя неестественно длинные тени, они направились к дверям.

– Леха, это мы! – Алешка узнал Серегин голос. – Не стреляйте!

С Мельниковым были двое студентов. Один, опираясь на другого, сильно прихрамывал.

– Ему матросы ногу прострелили, так-разэтак, – пояснил Мельников, – перевязать надо.

– Откудова матросам взяться? – удивился Угода.

– Вы, Василь Василич, скорее в штаб звоните или помощнику атамана, – попросил Серега урядника, – их там целый отряд, в тряпки их душу!

– Ах ты ж... – пожилой казак заторопился к аппарату. – Зараз про груз справлюсь, мабуть вы и спроводите господина подьесаула до места. Да и раненый у вас.

– Какого подьесаула? – насторожился Мельников.

– Высокоблагородие в кабине. Как их, Сту... Ступичев, что ли?

– Так это ж, наверное, тот самый, из парка, мать его за ногу! – вспомнил Серега. – Документы проверяли?

В этот момент дверца хлопнула, двигатель взревел, и грузовик рванул с места. Солдаты-связисты с открытыми ртами так и остались стоять с ящиком в руках.

– Стой, гад! Туда нельзя! – заорал Мельников, увидев, что автомобиль заворачивает влево.

– Хлопцы, за мной! – на бегу хрипло выдохнул урядник, держась одной рукой за сердце, а другой зачем-то выхватывая шашку.

Еще при погрузке, наблюдая, с каким напряжением казаки поднимают черные деревянные ящики с коваными ручками, Алешка подумал, что в них что-то железное. Каждый ящик весил пуда три с половиной, а всего под охраной их числилось двадцать.

Стреляя на ходу, Лиходедов обогнал Угоду. За спиной лупили сапогами по брусчатке и отчаянно матерились Серега и студент.

Высунувшись из кабины, подьесаул разрядил револьвер в сторону преследователей.

«Он же с одной рукой...» – мелькнуло у Алешки в голове. Тут его ударило в плечо так, что он выронил винтовку. Сзади кто-то вскрикнул. Набирая скорость и громыхая, грузовик уходил в темноту.

Угода стоял на коленях и, уронив голову на грудь, медленно раскачивался из стороны в сторону. Опираясь на застрявший между булыжниками клинок, старый казак силился встать. Тело его уже не слушалось. Через мгновение он стал заваливаться на бок и рухнул лицом вниз, неестественно поджав ноги.

Студент-партизан пощупал пульс и, вытирая пот, снял форменную фуражку:

– Преставился.

Подобрав Алешкину трехлинейку, Мельников взял товарища под руку:

– Сам дойдешь?

Подташнивало, плечо жгло огнем, но Алексей уверенно кивнул.

Солдаты-связисты стояли у стены с поднятыми руками, а Шурка и хромой студент держали их на мушке. Мельников подошел к солдатам:

– Руки опустите, так-разэтак.

– Вот ей-ей, мы ни сном ни духом... – закрестился тот что постарше.

– Подьесаула этого откуда знаете?

– Он телеграфистами командует у Смолякова. Мы тоже ему подчинялись, – шмыгнул носом второй.

Серега указал на убитого урядника:

– Благодарите Бога, что живы остались. Не явись мы, так-разэтак, он бы и вас пристрелил.

Алешке повезло: рана была хоть и болезненная (пуля задела мышцу плеча), но не опасная. Участвовавший в погоне студент ловко ее перевязал.

– Вениамин Барашков, химик, – он вежливо тряхнул левую руку Алексея. – Я с вашими еще под Глубокой был. А что в ящиках?

– Железяки, – вздохнул Алексей, взглянув на мертвого Угоду.

Шурка с дрожащими губами стоял рядом с телом.

– Что же... Что же нам делать? – срывающимся голосом повторял он.

Студент-химик, не обращая внимания на лепечущего Шурку, недоверчиво переспросил:

– Железяки? Что за железяки?

– Из Петрограда. Части машин с Монетного двора. Все опломбировано.

– Эпохально! – прокомментировал Барашков. Лиходедов посмотрел на часы. Было без четверти четыре.

– Ну, вот что, – он старался говорить как можно тверже. – Часть доверенного нам груза украдена. В том и моя вина. Я должен поклясться, что верну имущество во что бы то ни стало. Мельников перевел взгляд на полубморочного от волнения Шурика.

– Один в поле не воин. Да, Пичуга? Мы с тобой, Леха. Даже если придется штурмовать Совнарком, колотить его в гроб.

– Эх! И нас с Журавлевым припишите, – махнул рукой Барашков в сторону раненого товарища. – Все равно наши теперь неизвестно где.

Глава 2

«... Войсковое Правительство распустило в январе месяце Большой Войсковой Круг первого состава и созвало на 4 февраля сего года Круг в новом составе с целью проверить настроение и волю населения и выявить его отношение к современным событиям. Одновременно с созывом Войскового Круга был созван Областной съезд неказачьего населения на одинаковых с Кругом демократических основаниях для установления общего управления Донским краем.

Войсковой Круг пожелал знать точно и правдиво:

– Какие же причины в настоящее время заставляют войска народных комиссаров быть на положении войны с Доном.

– Какие цели они преследуют.

– По чьему распоряжению производится это наступление на Дон.

– Почему в рядах войск народных комиссаров присутствуют военнопленные австрийцы и германцы.

Только 12 февраля делегаты Круга смогли предстать перед главнокомандующим большевистскими войсками Северного фронта Саблиным. Последний на поставленные ему вопросы дал весьма характерные ответы, заявив, что они воюют потому, что Дон не признал Советской власти в лице Ленина, Троцкого и других. С признанием большевистской власти военные действия сейчас же будут прекращены и что вообще они с казаками, а особенно с трудовым казачеством, не воюют, но казачество как таковое должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями».

Из дневников очевидца

Поняв, что оторвался от преследователей, Ступичев упал на сиденье рядом с шофером. Потревоженная рука ныла, боль отдавалась в плечо.

«Вот дьявол! Опять эти сопляки, прямо наваждение какое-то! С его опытом – и так глупо напороться на того же самого гимназиста! На те же грабли! И тот, здоровый, тоже откуда-то взялся... Эх, „ваше шпионство“, ты ведь даже не поинтересовался составом караула! А ведь по закону жанра обязан был. А теперь в кузове только половина ящиков! Что сказать хозяевам? Потерял? Да его если не немцы, так красные повесят – никто не поверит. И где, черт побери, этих флотских карбонариев носит?»

Проскочив Почтовую, грузовик притормозил. В свете фар мелькнуло несколько черных фигур.

– Где Бугай? – крикнул подъесаул матросам.

– Не шуми, благородие, тута мы, солены души! – Из темноты вынырнул грузный детина лет сорока с бородой и без бескозырки. С ним Ступичев насчитал шесть человек.

– Какого черта вас не было?! Где остальные?

– На кадетов напоролись! Они трех наших положили, холера! Их Доренко щас в сторону уводит. Слышь, пальба какая?

– В кузов, в кузов! – замахал наганом Ступичев. Шестеро моряков перемахнули через борт, и грузовик затарахтел по булыжнику.

Ираклия Зямовича мало-помалу охватывала паника. Встретив его сутулую, бесшумно слонявшуюся между могил фигуру, можно было получить сердечный приступ. По-птичьей вертя головой на длинной шее, Ценципер то и дело вслушивался в темноту. Ночь наполняли

частые сухие хлопки, словно весь город взялся заколачивать гвозди. Четыре подводы с сытыми лошадьми и полупьяным от страха возницей-молдаванином дожидались у ворот кладбища.

Вдруг неподалеку, у Троицкой церкви, раздались крики, выстрелы, а после – взрыв гранаты. Затем, завывая и скрежеща, показался «одноглазый» грузовик.

– Ну, слава Богу, Валерьян Николаевич! – Опасливо косясь на сигающих из кузова матросов, Ценципер заломил руки.

– Ничего не слава... Хреново все!

И, обращаясь уже к Бугаю, Ступичев заторопил:

– Грузите ящики на подводы!

Потом, распорядившись, чтоб возница и ничего не понимающий шофер взяли один из ящиков, сказал Ценциперу:

– Выкопали? Ведите!

Высунувшийся было кладбищенский сторож, увидев таскающую что-то «братву», в ужасе затворил дверь своей хибары.

Не сразу найдя среди склепов свежерытую могилу, Ираклий Зямович произнес: «Вот» – и боязливо отошел в сторону.

– Где веревка? Опускайте. – Дождавшись, когда ящик ляжет на дно ямы, Ступичев вынул револьвер и выстрелил в затылок сначала шоферу, потом молдаванину. После, как ни в чем не бывало, бросил остолбеневшему Ценциперу:

– Ну, что стоите? Закапывайте. Да про сторожа не забудьте. Когда мы уедем, он – ваша забота. Импровизируйте, если жить хотите. И не вздумайте заняться эксгумацией или проболтаться. Я скоро вас навещу. Мы ведь теперь партнеры.

Выйдя на центральную аллею, ведущую к воротам кладбища, и увидев двух спешащих на выстрелы балтийцев, Валериан объявил, что все в порядке и беспокоиться не о чем.

Примерно через полчаса появился еще десяток разгоряченных моряков под командой матроса 1-й статьи Доренко.

– Ну и вцепились в нас кадеты, мать их! Пантелея с «Цесаревича» угрохали. Насилу от них утекли!

– От зараза! – сплюнул Бугай. – Ну, ниче, мы тут у церкви тоже каких-то цивилей разнесли. «Стоять!» – кричали, суки.

Доренко вытер рукавом бушлата потное лицо и сплюнул в сугроб.

– Я чой-то не понял, Иваныч, этот баклан сухопутный – теперь командир над нами?

– Баклан – не баклан, а Сиверс его хороводить назначил, – мрачно пробурчал Бугай. – Помалкивай пока. Там видно будет, чей галс правее.

Скрепя сердце «авангард революции» загрузился на подводы, и матерясь по-тихому, что «братвой» командует сухопутный, да еще офицерик, тронулся в сторону Краснокутской роши.

Ценципер, закидав яму до половины, вдруг сильно захотел в уборную. Горе-могильщик решил перевести дух. Он должен убить сторожа! От этой мысли бросало в пот. Вприпрыжку проследовав за ближайший памятник, Ираклий Зямович опустился на корточки.

«Ай-ой-ой! Чтоб я так жил! Как тошно быть шпионом, тем более немецким! – обхватив руками голову, сокрушенно бормотал фотограф, одновременно опорожняясь. – А все проклятые деньги! О, какой кошмар такая жизнь!»

Вздыхая таким образом и нарушая кладбищенский покой неприлично-утробными звуками, Ценципер не заметил, как просочившийся на улицу сторож, озираясь, стал красться в его сторону. Мужичонка, получивший недавно от фотографа «на лапу», вооружился берданкой.

Ираклий Зямович выпрямился и вздрогнул, обнаружив напротив хитрющую, заплывшую от беспробудного пьянства рожу. В свою очередь сторож, не ожидавший увидеть перед носом искаженное гримасой лицо Ценципера в отражающем лунный свет пенсне, испуганно икнул.

– Вам ч-чего? – глупо спросил фотограф, пытаясь сделать шаг назад и шаря рукой в кармане пальто.

– А этого... Ты того... – сторож уставился на спущенные штаны фотографа.

Отступить не получилось. Запутавшись в брючинах, Ценципер потерял равновесие и рухнул на спину, зацепив локтем могильный крест. Незнамо как, сам собой, произошел выстрел. Ираклий Зямович изумленно посмотрел на дымящийся карман с дыркой, а затем – на нелепо повисшего на оградке сторожа.

«Как быстро-то все!» – подумалось фотографу, прежде чем его стало рвать.

Глава 3

«Донское Правительство льстило себя надеждой, что казачьи полки, возвращающиеся с Германского фронта, послужат надеждой и опорой своему краю. Однако надежды не оправдались. Фронтвики оказались настолько деморализованными, что в свое время генерал Каледин вынужден был отдать приказ об их демобилизации, надеясь, что в обстановке родных станиц, влияния семьи и стариков они быстро излечатся от большевистского угара.

Чтобы иметь хоть какую-нибудь реальную силу, в конце 1917 года Донская власть объявила набор добровольцев в партизанские отряды, куда потянулась учащаяся молодежь. Первый партизанский отряд Чернецова был сформирован 30 ноября 1917 года.

Дети, иногда даже 12-летние птенцы, тайно убегая из дому, пополняли партизанские отряды, совершая легендарные подвиги, а в это же время взрослые под всякими предлогами уклонялись от исполнения своего долга перед Родиной.

Я слышал, как, присутствуя однажды на похоронах детей-героев в Новочеркасске, генерал Алексеев в надгробной речи сказал, что над этими могилами следовало бы поставить такой памятник: одинокая скала и на ней разоренное орлиное гнездо и убитые молодые орлята...

„Где они были, орлы?“ – спросил ген. Алексеев».

Из дневников очевидца

В конце января на Дон неожиданно пришла оттепель. Дороги раскисли. Южный ветер гнал рябь по размороженным лужам. Фальшиво пахло весной и мирной, лишенной запаха пороховой гари жизнью.

Едва рассвело, 2-й генерал-квартирмейстер полковник Иван Александрович Смоляков заторопился на службу. Пройдя по необычно оживленной для столь раннего часа Атаманской улице и повернув на проспект Платова, он увидел, что у здания штаба Походного атамана стоят груженные повозки, автомобили, снует пестро одетая вооруженная публика.

Сердце сжалось недобрим предчувствием. Иван Александрович прекрасно помнил, что вчера не было ни атаманского приказа, ни распоряжений штаба, ни даже простых словесных указаний, которыми можно было бы объяснить царившую вокруг суматоху. В этой бестолковой атмосфере бегства угадывалась преступная избирательность высшего военного командования.

«Приближенные» к начальнику штаба полковнику Федорину были обо всем заранее осведомлены – судя по их продуманному дорожному одеянию, хорошему вооружению и наличию отличных оседланных лошадей. Надо думать, при зачислении в лоно «своих» Федорин руководствовался мотивами исключительно личного порядка: родства, приятельства и тому подобного.

Смолякову с трудом удалось выяснить, что «красный атаман» Голубов уже занял станицу Кривянскую в четырех верстах от Новочеркаска, но, видимо, по какой-то тайной договоренности его казаки не шли на приступ, дожидаясь, пока город очистят рабоче-шахтерские отряды Саблина.

Полковника беспокоила судьба лежащего в Казначействе ценного груза, за который он отвечал. Но узнать дальнейшие намерения командования и получить какие-либо указания было невозможно. Начальник штаба то не желал ни с кем говорить, то ездил куда-то – якобы к Походному атаману, которого, вероятно, и след простыл.

Упрекая себя за беспечность и доверчивость к чинам, стоявшим во главе военного командования, Иван Александрович поднялся на свой этаж. Кругом все переворачивалось, уничтожалось, сжигалось. Приказав не трогать телеграфные аппараты и телефоны, чтобы держать связь с фронтовыми частями, бывший полковник Генерального штаба вышел в коридор, пытаясь разыскать 1-го генерал-квартирмейстера. Полковника Смолякова мучил вопрос: что делать с вверенным ему грузом?

Подошел телеграфист, знакомый еще по штабу 9-й армии.

– Решили уходить, господин полковник?

– Еще не знаю, – ответил Смоляков. – Если уходить, то нужно пробираться в Старочеркасскую или Ольгинскую, где, кажется, собираются добровольцы. Может, туда отступят и партизаны.

– В офицерской форме небезопасно выходить из города, – заметил телеграфист. – На окраинах большевики. Если хотите, возьмите мое пальто. Штатского, может, не тронут. Да, и еще: если ищете Кириянова, то он с начштаба Федориным умчался в Казначейство.

С чувством пожав руку телеграфисту, Иван Александрович взял пальто и бросился к телефону. Трубку снял караульный партизан Пичугин. Смоляков сразу вспомнил маленького востроносенького гимназиста в очках, со стеснительной улыбкой, получившего благодарность за поиски уворованной кухни.

В процессе сбивчивого доклада Пичугина о событиях прошедшей ночи у полковника постепенно округлялись глаза и отвисала челюсть. Нервно рванув верхнюю пуговицу френча, Иван Александрович заикаясь переспросил:

– От м-моего имени?! Ступичев?! Двенадцать ящиков?! Наряд с печатью?! О, господи... А 1-й генерал-квартирмейстер? Вместе с начальником штаба?... Как все потом забрали?! Меня... Что?

На углу Атаманской и Платова разорвался снаряд, брызнул звон разбитого стекла. Уже ни на что не обращая внимания, полковник медленно взял со стола графин с водой, выпил половину содержимого прямо из горлышка. Затем, сказав, что через минуту перезвонит, проверил барабан револьвера, надел одолженное телеграфистом пальто и снова снял трубку.

– Юноши, немедленно покиньте здание! Защищать больше нечего. Контрразведчиков не ждите – они вас наверняка арестуют и расстреляют. На то есть причины, поверьте. Штаб уже разбежался. Встречаемся у Никольской церкви, на Горбатой.

Ко всему прочему выяснилось, что приехавшие недавно в Казначейство начальник штаба Федорин и 1-й генерал-квартирмейстер срочным порядком изъяли оставшиеся ящики, послали на квартиру Смолякова наряд, чтобы арестовать полковника, а партизанам приказали не покидать здания до приезда представителей контрразведки.

Город методично обстреливали из орудий. Судя по всему, батарея находилась где-то в районе Хотунка – места расселения городской бедноты. Проходя по Горбатой, Иван Александрович увидел дымящуюся воронку, а рядом – труп мужчины. Городской обыватель был изрешечен осколками. Одним ему начисто оторвало ногу. Изумленные, вылезшие из орбит глаза неподвижно смотрели в свинцовое февральское небо, словно спрашивая: «Я-то за что?!»

Подобрав валяющийся рядом с мертвецом трюх, Смоляков скинул на грудь убитому свою папаху и зашагал дальше. Теперь он напоминал торговца или сапожника.

Плохо на душе у Ивана Александровича, давно так не было. Тоска, черная, безысходная, выкручивала каждый нерв, сверлила мозг. Жутко хотелось застрелиться.

«Господи милосердный! – взывал офицер, мысленно обращаясь не то к Богу, не то к самому себе. – Неужели все мы с такими жертвами и лишениями пробирались сюда, на Дон, чтобы предать себя позору, предстать перед истерзанной сатанизмом страной в полной беспомощности и, драпая, растащить последние крохи империи? Господи, за что?!»

Выйдя к Никольской церкви, полковник прислонился к старому узловатому дереву. Закрыв глаза, он судорожно сглотнул, пытаясь предотвратить подкравшуюся тошноту.

«Ну все, хватит раскисать... Пулю пустить успеется. Теперь думать надо, думать!»

Усилием воли уняв нервную дрожь, он поднял воротник пальто и стал ждать.

В четырех кварталах, не дальше Баклановского проспекта, вспыхнула перестрелка. Ружейная пальба трескучим шарабаном металась по переулкам, время от времени взрываясь пулеметными очередями.

Мимо, суетливо оглядываясь на Смолякова, проскочили два подозрительных типа. Сбавив шаг, они оглянулись и явно решили вернуться. Но, увидев пристальный взгляд полковника и руку, запущенную в оттопыривающийся карман, нерешительно затоптались на месте. Вдруг один сказал другому: «Шухер, кадеты!» И подозрительных как ветром сдуло.

От Комитетской, ошетинясь винтовками, двигалась группа молодых людей.

– Молодцы, что послушались меня и ушли, – обрадовался Иван Александрович. – И солдаты с вами? Отлично. Я вам по дороге все объясню. А сейчас давайте пойдем куда-нибудь, только не к Лиходедову и не к Пичугину. Их наверняка будут искать.

Посоветовавшись, решили идти к Мельникову.

Коротко рассказав партизанам про «эвакуацию» Походного атамана и его штаба, Смоляков, вздохнув, перешел к главному:

– Теперь про груз. Я полагаю, что начальник штаба и 1-й генерал-квартирмейстер, пользуясь случаем, просто спишут все на первое похищение, обвинив меня и устранив свидетелей – то есть вас. Поэтому Федорин и приказал ждать контрразведчиков, чтобы вас спокойно убрать.

– И все из-за каких-то железяк? – возмутился Алешка. – Весь сыр-бор?

Его лицо пересекала жирная угольная полоса. Левое ухо и правая рука тоже были испачканы.

– А если бы я сказал вам, что с помощью этого оборудования можно подделывать мировые валюты?

Мельников аж привстал:

– Ух ты, так-разэтак! И даже английские фунты?

Сергея только раз в жизни видел иностранные деньги. Купюра со строгой теткой – королевой кучи колоний, фигурировавших в пиратских романах, сильно впечатлила его. С тех пор «бурлак» считал все другие валюты, кроме рубля, жалким подобием платежного средства.

– А американские... э-э... доллары можно? – с надеждой спросил эрудит Пичугин.

– И немецкие марки тоже.

– Погодите, – оборвал Алешка. – У них же только половина ящиков...

Вместо ответа, глянув на подвязанную руку Лиходедова и распоротое плечо гимназёрской шинели, Смоляков спросил:

– Я вижу, вы ранены?

Алексей геройски усмехнулся:

– Не смертельно.

– Ну, тогда, сударь, соблаговолите умыться.

Как после пошутил Сергей Мельников, в его доме «прошло собрание тайного общества, напоминающее совет в Филях». Несмотря на многочисленность заседающих, тетка Варвара умудрилась-таки всех напоить чаем.

Солдаты-связисты благодарно кивали и, жмурясь, макали усы в блюдца. Так называемый взвод полевой связи разбрелся кто куда. Поразмыслив, земляки – а оба были родом из Харькова – решили, если это будет возможно, прибиться к корниловцам, стоящим в станице Ольгинской.

– Значит, говорите, моряки налетели на партизанское общежитие? – задумчиво переспросил Смоляков.

Барашков слегка замялся:

– Немного не так. Мы с Журавлевым за самогонкой сгонять решили, хотели ротного умаслить – у него именины были. Там рядом. Ну, на углу Базарной на них и наскочили. Темно было, хоть глаз выколи. Матросы шли тихо, со стороны Западенской балки. Мы пальнули – они по нам. Мы бегом обратно. Наши выскочили прямо из-за стола и – «Ура!». Осниченко кричит: «Окружай!» А матросы возьми и разделись: одни направо, другие налево. Гранатой в общежитие попали. Там как запылало!

К концу рассказа в глазах студента-химика горели искорки азарта. Вениамин уже и забыл, что начал с такого конфузного момента, как самогонка. Но его товарищ Журавлев – высокий, немного лопоухий студент строительного факультета, посматривая исподлобья, явно чувствовал себя неудобно.

– А наш Шурка-«пинкертон» с утра прогулялся и улику добыл. Хотел в штабе предъявить контрразведчикам, так-разэтак, а штаба-то и нет, – хмыкнул Мельников.

Пичугин поежился:

– Ну да, предъяви я им. С вами бы сейчас с того света... э-э... разговаривал.

– А ну-ка, что там у тебя? – Полковник взял в руки бескозырку.

Все придвинулись поближе.

– Ух ты, «Слава»! – воскликнул Барашков. – Это эскадренный броненосец такой на Балт-флоте.

– Точно, – согласился Смоляков, – был такой броненосец. В середине октября прошлого года в неравном бою с германскими кораблями получил пробоину и был затоплен экипажем в Моонзундском проливе. Поэтому немецкая эскадра и не смогла пройти к Петрограду.

Алешка ткнул в бескозырку пальцем:

– Тут еще внутри слово вышито: «Бугай».

– Думаю, это фамилия хозяина. В отрядах Саблина, действующих на нашем направлении, морские ватаги есть, но там – черноморцы и азовцы. А вот у Сиверса основной костяк составляют как раз балтийцы, да еще латыши. Точно известно, что моряки со «Славы» и «Цесаревича» были под началом Антонова-Овсеенко в дни переворота в Петрограде. Этот Антонов у большевиков командует всем Южным фронтом.

– Выходит, господин полковник, это Сиверс послал матросов за грузом?

– Выходит, что так. Вам, Лиходедов, – Иван Александрович весело прищурился, – очень повезло, что Барашков и Журавлев решили сходить за самогонкой.

Студенты сконфуженно заулыбались.

– Вот только мы точно не знаем, – уже серьезно продолжал Смоляков, – на кого работал Ступичев... Ясно одно: те, кто посылал морячков, боялись, что груз перехватят саблинцы или казаки Голубова.

– Но ведь на одном грузовике до Ростова они не доедут, – предположил Мельников. – Не поместятся, да и горючего у них мало. Вон, связисты слышали, как шофер по этому поводу матерился. Первого генерал-квартирмейстера, между прочим, поминал, душу его в тряпки. Кстати, мы с этим Ступичевым уже встречались. Да, Алеха? То-то он, рыжий, рванул, как черт от ладана.

Ребята дружно расхохотались.

Полковник с интересом выслушал историю про Алешкино неудавшееся свидание, но комментировать не стал.

– Насчет грузовика верно, – сказал он. – Значит, где-то должны дожидаться подводы. Скорее всего, на южном выезде из города.

Пичугин вопросительно вздернул брови:

– Я извиняюсь, но что же нам все-таки... э-э... делать? Домой теперь нельзя... Слава Богу, хоть тетя позавчера приехала...

– Да... Выбор у нас невелик, – Барашков почесал кучерявую макушку, – или оставаться в городе, захваченном красными, или немедленно уходить в Ольгинскую, к Корнилову.

– Выбор невелик, но отсиживаться в норе не по мне, так-разэтак.

– Верно, Серега! – поддержал Мельникова Алексей. Его карие глаза, окруженные длинными ресницами, широко раскрылись. – Краснопузые наш город унизили. Мы ж с тобой казаки! Помнишь, сам говорил: «Бог простит, а Дон отмстит»?

– Вам уходить надо. Большевики вас расстреляют, если сцапают. В Таганроге они кадетов не щадили.

– Я извиняюсь, а как же вы, Иван Александрович? И как же груз, его ведь... э-э... найти надо? – снова спросил Шурка.

– Я, ребятки, останусь в Новочеркасске у одного надежного знакомого. Если что, прикинусь торговцем. Для меня теперь бывшие соратники опасней «товарищей». К тому же, возможно, Ступичев объявится в городе. Ведь ему и его хозяевам, судя по всему, нужен весь груз. Еще я хочу отправить с вами письмо. Его надо передать ротмистру Сорокину. Мы с ним вместе из Киева на Дон пробирались. Он у генерала Алексеева офицером по особым поручениям служит. Я бы с вами пошел, но боюсь, что свита Походного атамана уже известила Алексеева и Корнилова о хищении. Им выгодно свалить все на меня и развести руками. Ведь у них с добровольцами взгляды на методы борьбы прямо противоположные.

Пока партизаны вполголоса обсуждали сказанное, Смоляков, спросив чернильницу, бумагу и перо, принялся за послание. Когда он закончил, подозвал Алешку:

– Вот, Лиходедов, возьмите и спрячьте подальше. А теперь, пожалуйста, расскажите мне про вашу знакомую.

Глава 4

«К началу нового и самого кровавого в истории Гражданской войны года обстановка на „внутреннем фронте“ складывалась следующим образом. Пока материально зависимый от немцев Совнарком во главе с Лениным делал вид, что торгуется с ними в Брест-Литовске, Добровольческая армия сосредоточилась в Ростове; партизанские отряды донцов защищали с севера Новочеркасск, добровольческие отряды на Кубани прикрывали Екатеринодар со стороны Тихорецкой и Новороссийска; атаман Дутов, выбитый красными из Оренбурга, ушел в степи, а Петлюра со своими гайдамаками драпал из-под Киева к Житомиру.

Отношение большевиков к Брест-Литовским соглашениям лучше всего выразил красный главковерх Крыленко: „Какое нам дело, – говорил он, – до того, заботится или не заботится Германия о наращении или ненаращении территории? Какое нам дело, будет или не будет урезана Россия? И какое, наконец, нам дело – будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуев? Наплевать нам на территорию! Это – плоскость мышления буржуазии, которая раз и навсегда безвозвратно должна погибнуть...”»

Из дневников очевидца

За несколько дней до событий в Новочеркасске штаб Сиверса в Матвеевом Кургане напоминал эсминец на латышском хуторе. Соленый мат и боцманские команды разрывали пресную, насыщающую морозный воздух прибалтийскую речь.

Бывший редактор «Окопной правды» внимательно изучал восьмой номер ростовской газеты «Рабочее слово», найденной у убитого кутеповца.

Газета писала:

«... Возвращение из ограбленного Киева Макеевского отряда рудничных рабочих, их „внешний облик и размах жизни” вызвали в угольном районе такое стремление в Красную Гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в Красную Гвардию...»

Сиверс постучал тупым концом карандаша по измятой бумаге и, не отрывая глаз от газеты, сказал вошедшему помощнику:

– Иван Карлович, распорядитесь: когда возьмем Ростов, этого моего коллегу найти и расстрелять. Да и всю редакцию, если удастся, тоже. От этих социал-демократов один вред!

– Слушаюсь, Рудольф... Товарищ командующий!

– Ничего, ничего... Можно и по отчеству – не на плацу.

– Рудольф Фердинандович, тут эмиссар от фон Бельке прибыл, вроде как своих инспектировать. Ждет, когда к вам можно будет.

Офицер немецкого генерального штаба майор фон Бельке возглавлял организацию, формировавшую для красных отряды из военнопленных немцев, снабжая их оружием и провиантом. Обладая широкой агентурной сетью, фон Бельке знал обо всем, что происходило на Дону и Кубани.

– Так-с... – Сиверс резко поднялся и подошел к карте. – А Склянский здесь? Найдите комиссара! Нам нужна связь с бригадой этого вахмистра, который с конной артиллерией... Буденный, что ли...

– Да.

– Пусть его бригада поддержит наших морячков вот здесь: у селения Салы. Говорят, на помощь Кутепову идет генерал Черепов с корниловцами. Без кавалерии. Все, идите.

– А германец? – Будучи сам из русских немцев, Иван Карлович Корф нарочно употребил это слово.

– Ладно, зовите.

Красный от мороза, одетый в цивильное немец был похож на часовщика. Цепкие глаза, тонкие губы, аккуратные баки, тщательные движения.

– Лейтенант Шульц, осопый отдел, – отрекомендовался он.

– Я уже начинаю привыкать к неослабному вниманию вашего начальства, – усмехнулся Сиверс. – Что на этот раз интересуется майора фон Бельке?

Лейтенант слегка замялся, покосившись на стоящего в дверях помощника.

– Да так, один полезный документ. Мандат на сопровождение ценного груза. Гофорят, в Софнаркоме ваше мнение ценят...

– Никак барону свечной заводик приглянулся, – усмехнулся командующий, – Что ж, проходите.

Когда немецкий посланник после двадцатиминутного разговора наедине оставил кабинет Сиверса, тот опять крикнул Корфа:

– Иван Карлович, Бугая и Рудаса ко мне, только по отдельности!

Рудас – командир отряда латышских стрелков, ничем не примечательный плотный человек с малоподвижным желтоватым лицом – появился сразу. В отличие от боцмана Бугая – предводителя революционной морской ватаги – прибалтийца не пришлось долго искать. Он появлялся сразу, словно из-под земли, как только о его существовании вспоминало командование. Рудас и его латыши иногда молча покидали ставку, накрепко приучив остальных не интересоваться причинами своего отсутствия в расположении, а потом вдруг вновь возвращались, наполняя околотабную атмосферу резкой, непонятной пролетариям речью.

– Так вот, Марк, – Сиверс доверительно тронул командира латышей за португепю, – есть решение послать матросиков в Новочеркасск. Меня там кое-что очень интересует. М-м... Скажем, один архив. Надеюсь, эти полосатые налетчики справятся с задачей и добудут груз, – командующий с удовольствием прислушался к последнему произнесенному слову – ему понравилось, как оно прозвучало.

– Да, добудут или свистнут из-под носа наших коллег-саблинцев, – повторил Сиверс. – Балтийцев нужно встретить на обратном пути. А то, неровен час, перепьются и потеряют что-нибудь. Подстрахуйте.

Рудольф Фердинандович недобро усмехнулся:

– А для всех остальных – у вас по плану экспроприация провианта. Говорят, аксайские казаки – самые зажиревшие. Вы там не стесняйтесь.

Рудас молча отдал честь и вышел. Вежливо обогнув на крыльце разлапистого и пыхтящего самокруткой Бугая, латыш по-тихому выругался.

Семья доктора Захарова жила в конце улицы Горбатой, неподалеку от Азовского рынка. В тот день у отца как всегда торчал какой-то пациент – доктор вечерами принимал на дому.

– Уленька, ты? – крикнул Владимир Васильевич. – А что так рано? И где кавалер?

– У него, папочка, образовались дела. Срочные. Дочь еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

– Гляди-ка! – Добродушное лицо в пенсне высунулось из кабинета. Доктор так и не заметил ни дрожащих губ, ни растерянного состояния девушки. – Не успел приехать, а уже дела!

«Кавалер» – подьесаул Ступичев – поселился у соседей несколько дней назад. Сказавшись старым другом прежнего постояльца, убывшего с добровольцами в Ростов, подьесаул занял его комнатенку.

В первый же день, улучив момент, он представился родителям Ули, а уже следующим вечером пил у Захаровых чай.

Аристократичный, рыжеватый, подтянутый, роста выше среднего, молодой мужчина с нервным взглядом близко посаженных серых глаз и повадками окопника красавцем не был. Но, по крайней мере, как сказала Зоя Михайловна, «он не такой пьяница, как все нынешние папашины знакомые». Кроме прочего, Валерьяна отличали безупречный пробор и привычка часто мыть руки. Усов Ступичев не носил.

Улина мать, конечно, была далека от мысли искать в такое время для дочери партию, но считала, что приличное общество семнадцатилетней барышне не помеха.

На вид Валерьяну Николаевичу Ступичеву было лет чуть меньше тридцати. Он рассказывал, что их полк, следовавший с фронта в Донецкий округ, разбежался по дороге, большей частью влившись в красный отряд войскового старшины Голубова. Многие офицеры были перебиты, многие изменили присяге, а ему и еще нескольким сослуживцам удалось на двух тачанках уйти в сторону Новочеркаска.

Обосновавшись у соседей Ларионовых, он периодически наведывался в штаб Походного атамана, ожидая назначения в формирующийся отдел оперативной связи.

Удивительно, но прифронтовой город продолжал пользоваться услугами городской телефонной станции – таким образом служебная информация становилась общедоступной. Новое подразделение было призвано обеспечить связь между штабом и частями полевыми телефонными линиями, а также свести все фронтовые сводки воедино.

В день, когда случился тот нелепый инцидент, у Валерьяна был гость. Ульяна сразу его узнала. Фотографа Ценципера, державшего собственное ателье на углу Московской и Горбатовой, трудно было не заметить. Одетый, как заправский иностранец, в кепи, клетчатые бриджи и тупоносые шнурованные ботинки, сутулый Ценципер напоминал грача.

Несмотря на смутное время, его ателье работало. Клиентов, желавших «сняться на карточку», было хоть отбавляй. Тем удивительней прозвучала фраза Ступичева, что «мосье мастер» заносил ему заказ.

Визитер пробыл недолго. Вскоре после его ухода Ступичев в приподнятом настроении тоже направился из дому. Но у ворот, столкнувшись с возвращавшейся из булочной Улей, не долго думая, пригласил девушку на прогулку.

Предложение было столь внезапным, сколь и галантным. Валерьян начал с «Имею честь», затем отпустил сокрушительный цветистый комплимент, а в конце лихо прищелкнул каблукками. Надо было вежливо отказаться: ведь на этот день уже было назначено свидание. В три часа Улю будет ждать новый знакомый – гимназист Алеша. Они собирались в кондитерскую Виноградова. Но... До той встречи еще три часа, а искушение почувствовать себя объектом ухаживаний настоящего офицера-фронтовика было слишком велико.

«Мне же все равно в центр, – убеждала себя Ульяна. – Пройдусь по Московской, публику посмотрю, наряд новый пригуляю... На улице не холодно...»

А еще завораживала возможность в воскресный день встретить подружек: «Они же попадают от зависти!»

– Хорошо, – скромно опустив глаза, сказала девушка и тут же поставила условие:

– Но только недолго, часика два.

«Жеманится», – подумал Валерьян, хорошо разбиравшийся, как он считал, в выкрутасах женского пола. И, улыбнувшись, произнес:

– Как скажете, Уленька. Сегодня вы – мое высшее командование.

В центре было людно. Всюду расхаживали парочки. По мостовым резво катили пролетки и проносились авто с пахнущими одеколоном и коньяком высшими чинами. У театральных афиш собирались компании. Покидая парикмахерские, хлопая друг друга по плечу, капитаны, ротмистры и подполковники погружались в натопленные недра борделей.

Город жил как в дурмане. Дух разочарования и преступной беспечности витал над Новочеркасском. Ресторанная жизнь кипела, гостиницы были переполнены, а к надоевшим воззваниям о помощи партизанам гуляющая по Московской улице публика относилась безучастно. Днем расфуфыренный Новочеркасск надувал щеки. По ночам же на окраинах лютовали бандиты, которых казаки при поимке вешали на столбах. Но это мало помогало.

Уля, взволнованная тем, что пойдет гулять под ручку с кавалером-военным, принарядилась. Бежевое манто отлично гармонировало со светло-русыми, убранными в толстую косу волосами, норковыми муфтой и бояркой, подчеркивая глубину виноградных, с задорными зелеными искорками глаз.

Вне общества Улиных родителей Ступичев оказался остроумным, занятым собеседником. Галантно держа руку кренделем и легко подстраиваясь под ее шаг, Валерьян рассказывал о Петербурге. То, что какое-то время подъясаул служил в столице, делало его в глазах девушки обладателем богатства, которое, сколько ни трать, израсходовать невозможно. Невский проспект, Мойка, Фонтанка, Адмиралтейская набережная, Императорский флот – эти названия будили романтические грезы, заставляя сердце ныть сладкой завистью. «Мечтательной барышне», как поддразнивал Улю отец, всегда до смерти хотелось занять место салонных красавиц на картинках столичных журналов, подшивки которых они с подружками залистывали до дыр.

Узнав, что девушка обожает театр, кавалер-военный поспешил показать себя знатоком театральных постановок. Обсуждения известных пьес и актерской игры заняли у парочки половину обратного пути.

Внезапно Уля заволновалась. За приятными разговорами она совершенно потеряла чувство времени. Но Ступичев ее успокоил, сказав, что прошел только час. Считая, что напускная торопливость – элемент врожденной женской игры, Валерьян специально соврал. На самом деле прошло уже более полутора часов.

Ступичеву льстило, что многие мужчины оборачиваются на его спутницу. Позволить такой красотке удрать от себя? Ну уж нет! Следующим шагом на пути к обольщению юного сердца в планах подъясаула было посещение кафе, расположенного неподалеку от входа в Александровский сад. Оставалось лишь словно невзначай оказаться у ажурной двери с вывеской «Кафе-Шампань» и галантно предложить продегустировать божественный напиток.

Непринужденно болтая о всяческих пустяках, парочка, провожаемая завистливыми взглядами военной публики, направлялась к Атаманскому дворцу.

До кафе оставалось не больше ста шагов. Но у ворот Александровского сада счастье курсистки закончилось. Она увидела Алексея. Он стоял с невесть где раздобытым в военном феврале букетом цветов и озирался по сторонам.

Уля почувствовала себя весьма неловко. Девушка не могла понять, в чем же дело. Отчего он здесь оказался так рано? Чувства ее пришли в смятение.

Но долго терзаться угрызениями совести Ульяна не собиралась. Она, слава Богу, пока ни одному, ни другому ничем не обязана. И девушка решила «не замечать» юношу, фланируя под ручку с геройским фронтовиком. А пройдя чуть дальше, за угол, вежливо распрощаться с офицером и вернуться обратно.

Но Алексей, не страдавший испорченным зрением, их увидел.

Все произошло так внезапно, что Уля, девушка вообще-то довольно бойкая, растерялась. Алешка, по характеру человек порывистый и не трусливый, напрямик направился к ним.

– Добрый вечер! – сдержанно поздоровался он, преграждая путь парочке и, не дожидаясь ответа, протянул Ульяне цветы.

– Спасибо, – тихо произнесла она, не зная, куда девать глаза.

Другой бы на этом прекратил вымученное общение, но только не шестнадцатилетний обманутый гимназист. В Алешкиной груди будто граната взорвалась. Он не мог понять, как та,

к которой он относился почти как к божеству, могла променять его на какого-то заурядного офицера, у которого даже сапоги плохо начищены и нет новенькой скрипящей португеи.

– А я ведь ждал вас, – с упреком сказал Лиходедов, – в месте, которое вы же сами и назначили.

– Извините, я... я забыла. Нет, не то... Не забыла, а просто время перепутала.

Алексея поразила обыденная беспечность ее слов. Она говорит о свидании, которого сам он так ждал, что не мог спать всю ночь. Накануне буквально вылизал свой нехитрый гардероб. В ботинки можно было смотреться. По дороге сюда двое знакомых спросили его, какой сегодня праздник, а один даже поздравил с днем рождения. А букет... Эти цветы он заказывал у знакомого армянина за два дня, отдав половину всех карманных накоплений!

Лиходедов был потрясен. Оказывается, о назначенном свидании можно просто забыть! ... А как смотрит этот самодовольный офицерик!

– Конечно, – выдавил паренек, – чем старше ваши спутники, тем больше они запоминаются.

Укол пришелся в точку. Улины брови поползли вверх. Она никак не ожидала такого беспардонного покушения на свое право выбирать. Бесперемонность и дерзость обиженного юноши ее удивили. По мнению Ули, моральные мучения Алексея не шли ни в какое сравнение с тем унижением, которое он сейчас заставлял испытывать ее.

«Подумаешь, какой нервный, – решила Уля. – Хоть и с цветами, а все равно подождет. Для того ли меня растили родители, пылинки сдували, чтобы какой-то безусый гимназист указывал, что делать».

Но отвечать Ульяне не пришлось. Ступичев произнес нравоучительно:

– Молодой человек, вы же видите: девушка не желает продолжать с вами беседу.

Алешку аж передернуло. Он чувствовал, что минутный порыв может принести ему неприятности, но сдерживаться было трудно. Какой-то рыжеватый невзрачный военный, подло укравший у него предмет обожания, явно просился на кулак. В гимназии Лиходедов хоть и не считался отъявленным драчуном, но кулачных боев никогда не избегал. Парень крепко умел давать сдачи, и если уж дрался, то остервенело и до крови, пока не растаскивали. И все же Алексей нашел в себе силы на ответное замечание.

– Не знаю, где успели повстречать Ульяну вы, господин подьесаул, а только я договаривался о свидании несколько дней назад и, – Алешка кивнул на букет – к нему готовился. Хотя, как видите, барышни порой крайне легковесны.

Лиходедов старался говорить бесстрастно, однако голос его от обиды срывался.

– Свидание? Ну нет, это уж слишком! – возмутилась Уля. – С чего вы взяли про свидание? Просто встреча двух малознакомых людей. И потом, я ведь уже извинилась!

– Юноша, не доводите до греха, идите своей дорогой. – Голос Улиного спутника становился жестче.

– А то что, дуэль? Или просто в морду дадите? – не унимался Алексей.

– А как больше нравится, – Ступичев аккуратно высвободил правый локоть от руки девушки.

– Валерьян, прекратите, не обращайтесь внимания! – попросила курсистка, придерживая спутника за рукав шинели.

В этот момент мимо проходили трое подвыпивших парней пролетарского вида.

Одного, самого длинного, Лиходедов даже признал. Этот молодой хулиган был хорошо известен в привокзальных трущобах.

– Гляньте-ка, хлопцы, – заржали все трое, – офицерик у гимназера кралю увел! Че, грамотей, не помог тебе букварь?

– Да пошли вы... – огрызнулся Алешка. – Дети подземелья!

– Че? Че ты сказал? – Длинный рванул Лиходедова за плечо.

Гимназист развернулся и молча, со всей силы рубанул длинного кулаком в подбородок, вкладывая в удар всю накопившуюся обиду. Парень опрокинулся на спину.

В этот момент подьесаул выхватил револьвер и навел его на двух других хулиганов:

– Пошли прочь, быдло! Башку прострелю!

– Но, но, ты того... благородие, не очень тут размахивай, – попятись кореша длинного. – Погоди, придет время, мы вам всем кишки выпустим!

Офицер сделал несколько шагов по направлению к ним.

– Ступичев, осторожно! – вдруг вскрикнула Ульяна.

Длинный к этому моменту очухался, вскочил и ударил подьесаула ножом в руку. От боли Валерьян выронил револьвер, тут же подхватил его левой рукой и дважды выстрелил вслед убегающим в Александровский сад парням. Длинный было споткнулся, но дружки подхватили его под руки, и все трое скрылись за углом.

Ульяна стояла, широко открыв глаза, зажав уши ладонями, и смотрела, как, словно чернила на промокашке, расплываются на пушистом снегу капельки крови раненого офицера. Гулять больше не хотелось. Настроение было безнадежно испорчено.

Лиходедову стало неловко. Он подумал, что, если б не его дурацкое самолюбие, все могло обойтись.

– Больно? – спросил он офицера, придерживающего здоровой рукой раненую.

– До кости пырнул, гад, – стиснув зубы, ответил тот. – Нужна перевязка.

Тут на аллее, ведущей в городской парк, показались Мельников и Пичугин. Алешкины товарищи направлялись в сторону Азовского рынка, но специально решили пройти через Александровский сад, зная, что Алешка отправился туда на свидание. Любопытство донимало скорее Серегу, чем Шурку, заикнувшегося было, что подсматривать за друзьями нехорошо. Но аргумент Мельникова пересилил: «Как же ты с его невестой здороваться собираешься, если не знаешь, как она выглядит вблизи?»

Пичугину предлагалось только засвидетельствовать свое почтение и сразу продолжить путь в пивную на улицу Базарную, где новоиспеченные партизаны собирались отметить свое вступление в отряд полковника Чернецова. Позже туда обещался подойти и Алешка.

– Леха, это у вас стреляли? Здрастье. В чем дело, барышня? – Вид подбежавшего Мельникова говорил о готовности к решительным действиям.

– Шпана офицера порезала, – не собираясь долго объяснять, ответил Лиходедов, осматривая разбитый кулак.

– Ой, – Пичугин, подняв на лоб очки, уставился на ссадины на костяшках, – надо йодом... э-э... помазать!

После, деловито осмотрев отпечатки на начинавшем подтаивать снегу, Шурка изрек:

– На лицо... э-э... кокаут! Кого это ты так?

– Скорее на подбородок, – попытался пошутить Алексей, гордо посмотрев на Ульяну.

Но девушка с мокрыми от слез глазами кусала дрожащие губки. Докторскую дочку, привыкшую ко всяким медицинским моментам, вдруг замутило от вида свежей крови. И от глупых, нервирующих разговоров.

– Все, я хочу домой! – капризно заявила она появившемуся на звуки выстрелов патрулю.

От капитана и двух юнкеров несло сивухой.

«Наверное, весь город уже пьян», – решила Уля. Обида за хамски уничтоженный праздник бросилась краской в лицо.

– Господи, и зачем я согласилась с вами пойти? – упрекнула она Ступичева, разрывающего зубами бумажную упаковку бинта, полученного от патрульных. – Обманщик! Вы же соврали про время!

Юнкера не замедлили предложить себя в качестве провожатых. То же сделал и Алексей. Но курсистка, с досады отшвырнув букет в сторону, направилась домой в одиночестве. Догонять ее никто не стал.

12-го февраля 1918 года Новочеркасск, единственный город в России, так и не признавший власти Совнаркома, был брошен к ногам красных.

Большевикам пришлось затратить огромные усилия, чтобы сломить «последний оплот контрреволюции», защищаемый в основном ополчением. Город, оказавшийся «козлом отпущения» в мотивациях Ленина к объявлению Гражданской войны, пал.

С раннего утра, еще не протрезвев как следует, на улицах появились отдельные группы вооруженных солдат и рабочих. Впереди бежала прислуга, в основном кухарки и дворники, за пару рублей указывающие на дома, где недавно квартировали офицеры и жили ополченцы.

В окно Уля видела, как из дома напротив солдаты выволокли на улицу двух несчастных в одном белье, по всей видимости, офицеров. «Гегемоны» пристрелили их тут же, на глазах у соседей, под торжествующий вой озверелой черни.

В ужасе отшатнувшись от окна, девушка рухнула на стул. Хотелось поскорей задернуть занавески, ноги подкашивались, а дрожащие руки не слушались.

«Боже, отец еще в больнице!» – вспомнила она.

Мимо, на уровне подоконника, проплыли несколько обветренных лиц в бескозырках и папахах, остервенело матеря каких-то мадьяр. Вдруг хриплый фальцет сопровождавшего их человека обжег Ульяну:

– Вот сюды! Здеся тож на постой брали!

Сразу узнав по голосу сапожника, точавшего сапоги всей округе, Уля сообразила, что тот ведет большевиков к Ларионовым.

Через минуту раздались крики и треск выламываемых прикладами дверей. Визг хозяйки прервали несколько приглушенных выстрелов – стреляли внутри дома. Ульяна испуганно посмотрела на мать. Зоя Михайловна горячо шепча, стоя на коленях перед образами, била поклоны. Потом Уля видела, как на остановившуюся перед окнами телегу, которой управлял совершенно пьяный мальчишка в морской форме, стали сносить узлы из дома соседей. К телеге в момент сбежалось какое-то отребье и стало жадно разглядывать революционную добычу.

Один из матросов, заметив размазанную кабацкую шмару, заготовав, вытащил из телеги енотовую шубу. Поманив девку пальцем, он накинул конфискат ей на плечи:

– Носи, Маха, буржуйский шик, оно им боле не трэба!

И потащил счастливую проститутку обратно во Двор.

Погром шел на всей улице. Вооруженные люди рыскали в поисках укрывшихся «кадетов». Учащаяся молодежь вызывала у саблинцев особую злобу.

К казакам относились более сдержанно. Голубовцы, перешедшие на сторону красных, по возможности старались отбивать своих у пролетариев и пресекать грабежи, в которых особенно преуспевали матросы и мадьяры.

Часа через два в солдатской шинели и с разбитым пенсне, со ссадиной на щеке пришел доктор Захаров. Молча отстранив кинувшуюся на шею жену, он прошел к буфету, налил стакан водки, но не выпил, а, опустившись без сил на диван, спросил:

– Засов проверили?

Потом доктор, словно отвечая на вопрос, как-то буднично сказал, что раненых офицеров и партизан у них в госпитале почти всех расстреляли, а больничный персонал под угрозой смерти обязали работать за большевистский паек.

Потрогав ссадину, которую Уля сразу же принялась обрабатывать, Владимир Васильевич сокрушенно вымолвил:

– Ну какой я им буржуй! Я врач, эскулап, можно сказать... Клятву давал... А они меня по морде... Быдло!

– Тише, папа, тише! Тут сапожник, который из будки на углу, матросов к соседям привел. У Ларионовых в доме стреляли, а потом ограбили их.

– А чего их не грабить, когда они у своих дверей вместе с сыном лежат, прости Господи.

– О, Боже! – вскрикнула Ольга Михайловна, сразу прижав ладонью рот.

– А ты... – вдруг напустился на супругу Владимир Васильевич. – Кто меня уговаривал комнатенку сдавать?

– Хватит, папа! Ну, полно! – Уля умоляюще сжала руку отца. – Что будет, если они и к нам придут?

– Мне начальник большевистского лазарета бумагу выправил, будто у нас уже был обыск. Видно, есть во мне надобность. Ох! Ведь два раза по дороге останавливали. Не верилось, что вырвусь. Им даже комиссарские бумаги не указ. Да что им доктор какой-то, когда они в храм на лошадях прут!

Ульяна не понимала, что происходит. Только недавно она гордилась тем, что поступила на женские Мариинские курсы, готовясь к самостоятельной, полной благородных стремлений жизни, и вдруг все полетело в тартарары. Оказывается, ее отца, уважаемого, почтенного человека, безотказно поднимающегося ночью, чтобы лечить больных, можно беспричинно бить по лицу! И никто не вступится! Оказывается, что в той же самой стране, на тех же самых улицах, бок о бок с такими же мирными гражданами, как она и ее родители, живет другой, совсем неизвестный народ. Все похоже на страшную сказку, в которой рядом с людьми, до поры оставаясь незаметными, существуют гномы, гоблины и тролли. Потом наступает ночь, и отвратительные существа выходят из своих убежищ, превращая людскую жизнь в кромешный ад. Только в сказке всегда находится герой, побеждающий зло, пробуждающий свет, спасающий принцесс из лап людоедов. Но жизнь отнюдь не сказка. В жизни, оказывается, много трусливых офицеров и ужасающее количество озлобленного, презирающего Бога отродья. Боже, почему ей никто раньше не объяснил, отчего ее ровесники оставляют учебу и, повесив на плечи винтовки, уходят куда-то за город в морозную степь, часто оставаясь там навсегда? Зачем от нее скрывали то, что она видит теперь за окнами? И есть ли возврат в прежнюю жизнь, где не издеваются над ее отцом и не расстреливают соседей?

Думая так, девушка с сожалением вспомнила об Алексее. Ей опять стало стыдно. Уж он бы точно вступился и за ее отца, и вообще за любого. Теперь бы она простила ему целую тысячу ударов по физиономиям гегемонов... Где он теперь? Жив ли? Не видать больше симпатичного кареглазого гимназиста. Даже этот враль Ступичев, приторно за все извинившись, испарился.

Сразу после захвата города новая власть объявила поголовную регистрацию офицеров. За уклонение полагалась смертная казнь. Но даже большевики не ожидали, что на их грозный окрик незамедлительно отреагирует почти все офицерство, бывшее тогда в Новочеркаске.

Длинная и пестрая очередь, робко выстроившаяся у здания Судебных установлений, представляла собой печальное зрелище. Стояли – кто в полувоенном одеянии, кто в штатском. Люди покорно ловили распространяющиеся с быстротой молнии новости: «вышел», «свободен», «задержан» или «временно задержан», «приказали явиться еще раз», «предложили службу», «арестовали»... Рядом со скорбными заплаканными лицами толпились женщины.

Проходя по другой стороне улицы, Иван Александрович, изменив походку и сосредоточив внимание на том, чтобы не быть узнанным, исподлобья оглядывал очередь на регистрацию. Было много знакомых лиц.

«Как странно, – подумал Смоляков, – ведь у них был выход. Хотя бы драпануть вместе с Походным атаманом. Вряд ли это опаснее, чем добровольно подставить головы под гильотину».

В город невесть откуда доходили слухи, что собравшиеся вокруг Походного именуется теперь Степным отрядом и кочуют по станицам, агитируя присоединиться к ним для борьбы против Советов.

Остановившись рядом с группой казачек, горячо обсуждавших происходящее, Иван Александрович решил с ними заговорить. Вид у него был вполне безобидный, даже простоватый – мужик-мужиком, лет эдак сорока пяти. К тому же большая банка с керосином, торчавшая из кошелки, внушала хозяйкам доверие.

Выяснилось, что большевики сразу арестовывают тех, кого подозревают в участии в партизанском движении. На этот счет у них якобы имеются какие-то списки. Лучше всего относятся к штабным, особенно к офицерам, служившим при Генеральном штабе, – тем сразу предлагают работу, квартиры и прочее.

«Уже много набрали, – доверительно шепнула Смолякову пожилая баба, перевязывая шерстяной платок, – а наших-то, кто даже Каледину служил, всех в десятый полк насильно позаписали».

«Так, так... – отметил про себя полковник. – Теперь будем знать, где у пролетариев слабина намечается. Значит, с кавалерией у них дела совсем никудышные. Что ж, где тонко – там и рвется».

Нехватка конницы у красных с лихвой возмещалась наличием автотранспорта. Кроме захваченного атаманского гаража большевики имели большое количество грузовиков «Паккард», ранее выпускавшихся на заводе под Ростовом. Выделив из своих отрядов квалифицированных рабочих и создав сборочные бригады, красногвардейцы, починив оборудование, использовали все имевшиеся на складах запчасти, обшив деревянные борта новеньких грузовиков стальными листами и установив пулеметы.

В списке объектов для возможных диверсий, который мысленно составил полковник Смоляков, гараж занимал первое место. Нужно было потихоньку, используя надежных знакомых, попытаться установить связь с этим ключевым во всех отношениях подразделением.

Волею судьбы в 10-м полку оказался дядя Ивана Александровича – человек невоенный, всю жизнь мирно занимавшийся хозяйством. Откликнувшийся в свое время на призыв атамана Каледина присоединиться к ополченцам, он ввиду своего преклонного возраста был зачислен в команду по охране интендантских складов.

Двенадцатого февраля он вместе с другими такими же старцами был в карауле. Вечером охрана увидела движущуюся мимо складов кавалькаду всадников, окруженную ликующими оборванцами. Ничего не подозревая о бегстве из города генерала Попова и не понимая причину радости толпы, караул с любопытством стал наблюдать за происходящим. От толпы отделились несколько всадников.

Их командир подъехал к сторожам и рявкнул:

– Кто такие?

Караульные ответили, что они охраняют склады. А затем в свою очередь поинтересовались – кто это перед ними?

Рассвирепев, верховой закричал: «Так, значит, вы белогвардейская сволочь?!»

Дядя спокойно ответил, что и сам не знает, белогвардеец он или красногвардеец. А знает лишь, что ему поручили охранять народное имущество от разграбления. Ответ, видимо, пришелся всаднику по душе, и караул не расстреляли, а зачислили в 10-й полк.

Так все само собой и устроилось. Иван Александрович поселился у дяди и, изображая из себя уполномоченного по закупке керосина, приехавшего из Харькова по поручению губернской управы, постепенно овладевал искусством перевоплощения. Вскоре ни один сослуживец не узнал бы в уличном торговце бывшего полковника Генерального штаба. Зато Смоляков мог наблюдать все пертурбации «красной Вандеи» изнутри. Вскоре связь с гаражом, во многом благодаря пожилому родственнику, была установлена.

Глава 5

«Улицы Новочеркаска опустели. Кое-где на перекрестках группировались подозрительного вида типы, нагло осматривавшие редких одиночных прохожих и пускавшие вслед им замечания уличного лексикона.

Наступал момент торжества черни. Временами раздавались редкие одиночные выстрелы, а где-то вдали грохотали пушки. То забытые герои-партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркаска, с боем пробивали себе дорогу на юг. О них не вспомнили. В суматохе забыли снять и большинство городских караулов, каковые, ничего не подозревая, оставались на своих постах вплоть до прихода большевиков. Такая нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие, и многие партизанские отряды, не пожелав влиться в Степной отряд, предводительствуемый Походным атаманом генералом Поповым, присоединились к Добровольческой армии. В числе ушедших с добровольцами находились и сподвижники зарубленного большевиком Подтелковым полковника Чернецова, поручик Курочкин, а также партизанские командиры Краснянский и Власов».

Из дневников очевидца

По раскисшей февральской степи идти было трудно. Ноги вязли в грязи, перемешанной с талым снегом.

Из города решили выходить в сторону хутора Мишкин. Гимназисты, студенты и солдаты довольно удачно, без помех, миновали район Азовского рынка и скотобоен. Несколько раз хоронились в темных углах за хатами и заборами, пропуская отряды красных дружинников, а однажды – даже невесть откуда взявшихся то ли чехов, то ли мадьяр из бывших пленных.

Не доходя хутора Мишкин на найденной лодке без весел, обламывая прикладами остатки истончившегося льда, пересекли Аксай и дальше, поеживаясь от гуляющего по ночной степи ветра, потопали сквозь открытое пространство в сторону Старочеркасской.

Двигались довольно медленно. Из-за грязи, а еще – из-за хромавшего студента Журавлева. Шли молча. Каждый думал о своем, пытаясь хоть на короткое время предугадать будущее. Иногда, оборачиваясь, Алексей грустно смотрел на редкие огоньки, рассыпанные по темному телу Бирючьего куга, несущего на своем горбу донскую столицу. Детище атамана Платова – патриархальный Новочеркасск, словно выброшенный на берег огромный кит, застыл в предчувствии кровавой тризны.

Лиходедовы редко покидали город. Сколько Алешка себя помнил, отец работал в архитектурной мастерской при городской управе, а мать без конца давала уроки игры на фортепиано. Детство вспоминалось как катание зимой с горок и игра в лапту и салочки в тенистых летних переулках, заросших вишней и акацией. Семья жила скромно, но материальных трудностей не испытывала. Алешку – единственного сына – иногда баловали, и тогда все друзья обедались пирожными на его карманные деньги.

А однажды отец повез их в Ялту! Ничего прекраснее и загадочнее моря Алексей в жизни не видел. Эти волны, эти корабли... Не такие, как пароходики, бегающие вверх-вниз по Дону, а огромные горделивые океанские скитальцы, «пахнувшие» романтикой экзотических стран и пиратскими, зачитанными до дыр, романами.

Эх, Ялта! Солнце и прибой, горы и крупный, как абрикосы, виноград...

Еще каких-нибудь два-три года назад, несмотря на гроыхающую где-то в Галиции войну, жизнь обыкновенного русского гимназиста представлялась Алешке скучной чередой обязательных правил и ничем не оправданных умственных затрат. Фамилии геройских гене-

ралов, таких как Алексеев, Брусилов или Корнилов, конечно же, трогали мальчишеское воображение, но оставались где-то там, далеко на западе, за Москвой, за Петербургом, вместе с жизнями станичных казаков, проходивших перед отправкой на фронт конными парадными у Атаманского дворца. И кто бы мог поверить, что вскоре война – страшная, беспощадная – ночным татем подкрадется к порогу, хлынет в родные предместья, улицы и переулочки обжигающим душу кровавым потоком людской ненависти.

Лиходедов шел и смотрел, как сапоги Мельникова оставляют в грязной степной каше следы, заплывающие талой водицей. Серега курил в кулак по-окопному, и дым его папироски щекотал ноздри.

«...Мельников... Друг с первого класса... Ведь это Серега затащил всех на собрание...»

В тот день все и началось. А может, как раз закончилось? Может, именно тогда испарились с уходом в Ростов Добровольческой армии надежды на создание мощного заслона рвущимся в Южную Россию большевистским ордам?

Алешка хорошо запомнил, как, сплюнув под ноги, выругался один подхорунжий казачьих войск, провожая глазами корниловцев:

– Нехай проваливаются, дворянчики, мать их!...

И, обернувшись к своему спутнику в штатском, добавил:

– А на хрена нам Корнилов? Токма большаков ярить!

По Крещенскому спуску к вокзалу торопливо проскрипел десяток подвод из хозяйства генерала Эльснера, груженных штабным имуществом. Командование Добрармии, не найдя общего языка ни с Донским правительством, ни с Атаманом Всевеликого Войска Донского, перебиралось в Ростов.

Что ответил штатский, по виду из канцелярских, Лиходедов уже не расслышал. Звонкий, подброшенный ветром окрик стеганул слух:

– Алешка, стой!

Скользя по накатанной ледяной дорожке и балансируя расставленными руками, его догонял Серега.

– Подожди!

Не успев затормозить, Мельников схватил друга за рукав, чуть не опрокинув обоих.

– Алешка, пойдём с нами в пивную, – отдышавшись, выпалил он. – Пичуга – и тот складывается!

Мысленно оценив свое финансовое положение, Лиходедов засомневался, но зависть к товарищам взяла верх.

– Только, чур, сначала собрание! – поставил условие Серега. – Наши все там будут.

Мужская гимназия на улице Ермака напоминала скорее мобилизационный пункт, нежели старейшее на Дону светское учебное заведение. Перед массивными дверями, несмотря на холод, стайками курили выскочившие налегке гимназисты, топтались вооруженные студенты, мелькали офицеры из войсковой канцелярии. Ожидали приезда Атамана. Каледин задерживался с похорон юных героев. Обычно атаман самолично шел за гробами обороняющихся Новочеркасск партизан.

В актовом зале шумели. Звонкие матерные нотки, время от времени фальцетом запускаемые в потолок, глохли во взрывах юношеского гогота. Наперебой травили анекдоты, обсуждали последние сводки с фронта, зачитывали атаманские и добровольческие воззвания.

«Идут, идут! От Чернецова!» – Взъерошенный гимназист лет четырнадцати, поставленный старшими на стреме, вдруг вкатился в двери.

Гомон прекратился, и зал, громыхнув стульями, застыл, слушая гулкие шаги в коридоре. Пахнув морозцем, вошел поручик Курочкин в сопровождении безусого партизана в бекеше и с маузером на боку.

– Здорово дневали, господа гимназисты! – поприветствовал собрание Курочкин, оглядывая передние ряды.

Мальчишеские голоса пробасили нестройно:

– Слава-а Богу-у-у!

– Прямо орлы! – похвалил поручик.

Затем представитель партизанского отряда заложил руки за спину и прошелся взад-вперед.

– Соколы мои! – вдруг вскинул он голову. – Вы знаете, что обстановка на фронте сложная. Скажу больше: в Таганроге красный мятеж. Не успел Кутепов встретить матросню Сиверса под Матвеевым Курганом, как рабочие принялись резать юнкеров. Корниловцы стоят за Ростов, а казаки в это время продают своего атамана! Вчера три фронтовых полка перешли на сторону красных... Эти б...ди взяли Каменскую! Теперь у них там революционный комитет во главе с урядником, прости Господи!

В ответ зал засвистел и затопал. Курочкин вскинул руку, требуя тишины:

– Вот командир четвертой роты Осниченко. Его студенты воюют не хуже офицеров-окопников, нынче пропивающих последнюю совесть в кабаках Новочеркасска. Посмотрите на него! Те, кому исполнилось шестнадцать, могут записаться в его роту и бить большевистскую сволочь наравне со всеми.

Задние ряды вытягивали шеи, восторженно глаза на румяного студенческого ротного. Осниченко старался выглядеть сурово.

Отряд Чернецова дрался под Каменской. Красные наседали, а ряды партизан таяли на глазах, пополняясь в основном из числа верных присяге офицеров, гимназистов и студентов Донполитеха. Кумир патриотически настроенной молодежи полковник Чернецов со своими партизанами в то время был единственным серьезным прикрытием донской столицы на северном направлении.

Курочкин заговорил об антиказачьих выступлениях иногородних на станциях Александро-Грушевской и Хотунке.

– Да к стенке их всех, и делу конец! – крикнул Мельников.

– Правильно, в расход! – поддержали несколько голосов.

Поручик неопределенно пожал плечами:

– Всех пришлых к стенке, как ни крути, не поставишь. Тут другой подход нужен – показательный. Вот зачинщиков повесить – дело святое.

В зале заржали.

– А Мельникову патронов не жалко. Да и веревки, сколько ни отмерь, всю на дело изведет, – съязвил один из гимназистов, за что сразу же получил от Сереги подзатыльник.

Слушая Курочкина, Алешка почувствовал, как внутри закипает гнев. Больно было осознавать свою недавнюю наивность.

«Какие там, к черту, „Три мушкетера” Дюма, учебники, тетрадки... Тут всему амба, если красные город возьмут! – подумал Алексей. – Не то что книг из библиотеки, пшеница немытого не увидишь».

– Александр Николаевич, – неожиданно обратился он к ротному, – запишите Лиходедова!

– И Мельникова тоже!

– И Пичугина, э-э... будьте добры... – извиняющимся тоном попросил очкастый Шурка. Следом, словно горох из решета, посыпались фамилии еще двух десятков гимназистов. Атамана Каледина в тот день так и не дождались.

После неудавшегося Алешкиного свидания трое друзей, взяв пролетку, поехали по Платовскому проспекту к Дворянским баням. В прибанном заведении подавали пиво «Дурдинь»

с бесплатной таранью к каждой паре. Место, весьма точно прозванное «Капканом», издавна облюбовали студенты и прочая молодежь «из приличных».

Время было раннее, и столик в углу занять никто не успел. Пара помятых проституток да пьяный пехотный подпоручик – вот и все посетители.

– Чего изволят-с господа гимназисты? – оживился скучающий половой.

– Пива, четыре пары! – важно пробасил Мельников.

– И спичку! – добавил Алешка, лихо заламывая папиросу. Вид у него был такой, словно он, по меньшей мере, член царской семьи. Неудачу на любовном фронте юноша решил утопить в бесшабашном задоре дружеской гулянки.

Постепенно в пивной собирался народ. Отряхивая заиндевевшие бороды, заходили торговцы с Азовского рынка. С банными причиндалами под мышками вваливались распаренные пожарные. Гогочущие студенты заскакивали «махнуть по стопочке», да так и оседали среди своих. Вся эта публика гремела кружками, требовала «повторить» и серчала на «человека», по их мнению, нарочно путающего счета.

Четыре горки рыбьих очисток на заляпанном столике постепенно росли. Шурка и Мельников, прервав пустяшный спор, с интересом наблюдали, как какой-то приезжий тип в бобровой шубе требовал стерляжьей ухи.

Уха напрочь отсутствовала.

«Это скандал! – разорвался „бобровый”. – Русскому патриоту уже и поесть нечего!»

Предложение украинского борща и вовсе привело посетителя в ярость: «Анархисты! Я – народный избранник! Атаману пожалуюсь!»

В конце концов «бобровый» был вытолкан студентами в спину.

– Ату его! – присвистнул Мельников. – Ну что, Пичуга, кто говорит, что уху подадут? Эх, надо было на твой «брегет», тяни его налево, забиться!

Шурка опасливо потрогал кармашек с часами и поправил очки:

– И вовсе не так, я только сказал...

– Да ладно, не бойсь, экспроприации не будет, – озорно подмигнул Серега, погружая нос в пивную пену, – хоть ты и иногородний, так-разэтак.

Алешка вспомнил, о чем говорили на собрании, и разозлился.

– По-твоему, Серега, только иногородние во всем виноваты?

– А кто же? Они всю жизнь казакам перепахали. Кацапы да хохлы. Им наша вольница – как бельмо в глазу.

– Какая еще вольница? Привилегии были, а вольница еще при Екатерине кончилась. А Шурку нашего тоже давайте расстреляем – у него родители костромские. Он до сих пор «окает». Что, выходит, Пичуга тоже большевик? А у меня мать хохлушка, так давайте и меня во враги казачества определим.

– Ты по отцу казак. Вот если бы у тебя мать еврейка была, так-разэтак...

– Че, пиво сильно крепкое? Ты думай, когда говоришь! – Алешке захотелось врезать по мельниковскому, и без того кривоватому, носу. Такое желание у него возникало всегда, когда Серега неуклюже, по-медвежьки наступал на то, что для Лиходедова считалось табу.

Хорошо, что Мельников на протяжении всего вечера даже не заикнулся об Ульяне.

А то точно сцепились бы. Вероятно, вид у Алексея был чересчур несчастный и угрюмый. Даже когда он сам произносил что-нибудь по поводу своего недавнего фиаско, Серега лишь нехотя кивал головой. Только после третьей кружки внутренние терзания Лиходедова стали потихоньку тускнеть.

Последний раз они крепко подрались год назад. Тогда «бурлак» сравнил знакомую актрису семьи Лиходедовых – звезду местного театра – с вороной. Огромные синяки под Алешкиными глазами и выбитый Серегин зуб долго вспоминались всем однокашникам. В той драке Алексей победить не мог, но все же первый, как петух, кинулся на обидчика, нанося два удара

в обмен на один. Сбитый с ног, опять вставал и наскакивал, пока учителя словесности и закона Божьего не растащили непримиримых оппонентов. С тех пор с Алешкой никто не связывался, а у Сереги появилось удобное место для папиросной гильзы.

Слава Богу, в тот последний невоенный вечер драки не получилось. «Бурлак» неожиданно (такое с ним редко случалось) извинился за ляп.

Алешке вдруг стало тепло на душе от того, что он не один, что у него есть друзья, которые могут войти в положение. Он прекрасно знал: случись что, и не только Мельников, но и щуплый маленький Шурка грудью встанет на его защиту.

– Знаете что, – вдруг сказал Лиходедов, – а давайте поклянемся, что спасем нашу Родину от несчастий или умрем!

Друзья удивленно посмотрели на него.

– Ну да, нас всего трое, – продолжал Алексей. – Это пока. Но ведь и для того, чтобы уничтожить нескольких человек, армия не нужна. В этом Совнаркоме сколько их, десять-двадцать? А Ленин, он что, не из костей и мяса? Когда человек на медведя идет, он знает, что медведь сильнее, но все равно берет хитростью и убивает зверя. Я предлагаю сезон охоты считать открытым.

– Молодец, Леха! – просиял Мельников. – Пусть эта свора нас боится, так-разэтак, а не мы их. А, Пичуга?

Шурка решительным жестом поправил очки:

– Как я понимаю... э-э... никто из нас сейчас в Петроград не побежит. Мы, извините, должны составить план, набраться опыта, освоить оружие... Все требует подготовки. Но в одном я поклясться готов: как только возможность уничтожить хотя бы одного комиссара мне... э-э... представится, я намерен ею воспользоваться. Помните мушкетеров? Один за всех...

– ...И все за одного! – хором повторили Алешка и Серега, скрепящая над столом сжатые в кулаки руки.

Сидели, пока не кончились деньги. Часов около шести отяжелевшая троица высыпала из заведения под тусклые фонари Базарной улицы. Около рынка повернули на Платовский проспект.

Народ вальяжно расхаживал по улицам. В освещенных окнах ресторанов виднелись компании, поднимающие тосты.

– Жируют сволочи, словно никаких большевиков и нет, – пробурчал Мельников. – А на фронт идти некому. Карабугазгол какой-то! Вот бы долбануть по кабаку из гаубицы, так-разэтак, – в момент повывлетали бы!

– Не бойсь, Серега, еще долбанут! – рассмеялся тогда Алешка. – Может, тогда эти любители ликера свой пафицизм забросят.

– Па-апрошу к терминам относис-ся серьезно, – погрозил пальцем у себя перед носом Пичугин. – Не паф-фицизм, а пацифизм-м!

Грамотея пора было доставлять домой. Перекинувшись для порядка в снежки, друзья отправились провожать Пичугина.

«Эх, вот и долбанули!» – вздохнул про себя Алексей, в последний раз бросая взгляд на город, в котором оставались его детские мечты, его родители, его юношеская любовь. Улино лицо так и стояло перед глазами.

«Ульяна... Такая красивая, и с этим...»

Ему не верилось, что девушка-мечта с чистым, взволнованным взглядом, пусть немного капризная (а какая барышня не капризничает?), может иметь отношение к изменнику-подъесаулу.

«Нет, наверное, они случайные знакомые, – решил Алешка. – Вернусь обратно – обязательно все узнаю».

На рассвете, на подходе к Старочеркасской, партизан нагнал конный разъезд. Казаки, стерегущие подступы к станице, близко не подъезжали, недоверчиво рассматривая вооруженную группу.

Наконец решив, что столь пестрая пешая компания не может быть авангардом какой-либо из противоборствующих сторон, направили коней к путникам.

Поговорив с дружинниками, еще не знавшими про оставленный штабом Походного атамана Новочеркасск, усталые партизаны пошли разыскивать станичное правление – оно же штаб местного ополчения.

– Хлопцы, скажите помощнику атамана, что я вас пропустил! – крикнул вслед молодой урядник, привстав на стременах. – Бог даст, еще погутарим!

Несмотря на ранний час, помощник атамана был на месте. Он и несколько стариков горячо спорили, отправлять ли наскоро сформированный из местных казаков отряд к Корнилову или нет.

– У нас в сторожевом охранении и сотни не будет! – доказывал старикам помощник – войсковой старшина. Что мне ваш сход? Оборонять станицу от красных вы, что ли, будете?

– А ты не шуми. Коли нужда будет, так и старики вооружатся. Старый конь борозды не портит! – отвечал ему ветеран с полной колодкой «Георгиев». А сход в смуту – закон, и ты его не замай!

– Мы с большаками пока не в ссоре, мабуть, и обойдется. А так и Корнилову подмогнем, и хаты свои сохраним, – убеждал другой старый казак.

– А как Корнилов с Алексеевым на Кубань уйдут, а не в Зимовники, тоды чего? – упирался старшина. – Покладут там молодых почем зря. Тута хоть земля своя, донская...

– Господин войсковой старшина, к вам партизаны с Новочеркаска, полковника Чернецова, царствие ему небесное, отряда, – доложил казак-часовой.

Выслушав вошедших юношей, помощник покачал седеющей чубатой головой:

– Нешто можно так... Позор! Срам на все казачество! Один атаман сам себя порешил, другой утек и город сдал, людей покидав. Срам!

И, оборотясь на портрет Платова, висящий на стене, горестно заметил:

– Бедный Матвей Иваныч! Небось трижды в гробу перевернулся!

Определив партизан на постой и велев накормить, правление порешило отправить их завтра поутру вместе с делегацией Старочеркасского круга в Ольгинскую.

Круг приговорил нескольким уважаемым станичникам ехать в штаб Добровольческой армии и узнать доподлинно, куда собирается вести «своих кадетов» Корнилов. От этого зависело, даст казаков станица или нет.

Глава 6

«...Но особенно сильно меня поразило тот резкий контраст настроений здесь, в штабе Походного атамана, и в партизанском общежитии: у партизан – молодежь, глубокая вера, ни тени робости или сомнения, радужные надежды на будущее и полная уверенность в конечном успехе, здесь же – старшее поколение с парализованной уже волей, охваченное черным пессимизмом отчаяния и крепким убеждением, что борьба с большевиками обречена на неудачу.

Наблюдая настроения в общежитии, я убеждался, что идеологические порывы вели молодежь к самопожертвованию и что боевая тактика большевизма, сопровождаемая всюду небывалыми жестокостями, вызвала горячий протест прежде всего со стороны молодых, поколение же более зрелое остановилось как бы на распутье...»

Из дневников очевидца

Тяжело нагруженные подводы натужно скрипели, время от времени позвякивала амуниция сидевших на ящиках матросов. Половина отряда шла пешком, время от времени меняясь со своими товарищами. Ленточки бескозырок с надписями «Слава» и «Цесаревич» трепетали на мокром, с моросью, февральском ветру.

Хутора на ведущей в сторону Ростова дороге решили не обходить. Здешнее население пока открыто не выказывало неприязни ни красным, ни белым, занимая позицию независимости своих куреней от любой власти.

Колеса видавших виды телег, провожаемых настороженными взглядами редких хуторян, расхлябанно переваливались через топкую грязь выбоин.

Матросов откровенно побаивались. Оторванные от семьи и дома крепкие иногородние мужчины – олицетворение бурной неуправляемой стихии – вызывали почти физическое отторжение у казаков, людей так же не робких, но ставящих выше всякого закона свой патриархальный уклад.

За околицей Большого Лога Ступичев прыгнул на землю. Разминая ноги, Валерьян зашагал рядом с первой подводой, на которой ехали Бугай и Доренко.

– Думаю, в Аксайскую соваться не стоит. У тамошних казаков на днях Корнилов с «кадетами» гостил, когда за Дон уходил.

– Верно, на рожон чего лезть, – оглянулся на своих Доренко, дымя самокруткой, – и так четверых братков «на берег списали».

Бугай мрачно кивнул. Доренко хлопнул по колену:

– Эх, жаль Пантелея. Вот морская душа – с японской на «Цесаревиче»! И отписать некому: жинка евойная тож померла, от холеры, сказывал.

– А у тебя дети есть? – поднял лицо Бугай.

– А кто ж его знает, – прищурился собеседник, – может, и есть. Да только семья моя – это я сам да революция.

Он полез в «сидор» и вытащил из него бескозырку.

– На вот, Иваныч, это от Пантелея. Носи, братва не против. «Цесаревич» «Славы» не хуже, одно слово – Балтика.

Вдруг Ступичев поднял руку: «Стой!»

Из балки показались верховые. Казаки гнали что есть мочи. Вслед прогремело несколько выстрелов. Пули свистнули, и один из преследуемых завалился назад. Выскочив прямо на обоз с моряками, всадники метнулись в сторону, обходя его полем.

Через минуту из низины вылетел эскадрон. Часть людей в серых укороченных шинелях и солдатских папах без обычного в таких случаях свиста и гиканья пронеслась мимо изготовившихся к стрельбе матросов. Вторая половина, во главе с человеком в кожанке и полевой фуражке, осадил коней у обоза и взяла его в кольцо.

– Здравствуйте, Валерьян Николаевич! – поздоровался командир конников, не обращая внимания на матросов Бугая. – Спешу осведомиться о вашем драгоценном здоровье. Что, рука побаливает?

– Спасибо, товарищ Рудас, побаливает. Да только кому-кому, а вам бы я свое здоровье не доверил. И что это ваши латыши казачков по округе гоняют? Да еще в гордом молчании?

Рудас усмехнулся:

– Вы тут тоже не навоз возите. Это аксайские казачки. Мы к ним по приказу товарища Сиверса прибыли. Контра не дремлет, знаете ли. Кстати, к вам, – он посмотрел на торчащие из-под сена ящики, – у нас тоже дело есть.

– Наверное, казачки делиться с вами не захотели? Бывает...

Ступичев обернулся к матросам.

– Казачки не пожелали, а вот нам, товарищ Бугай, судя по всему, придется. Или нет?

– Щас! – сказал Бугай, подтянув перевязь маузера. – У меня мандат Совнаркома на доставку груза!

– Простите великодушно, – склонил голову Ступичев, – но документ, к счастью, имеющийся у революционного боцмана, гласит: «Груз может быть сдан только командующему армией товарищу Сиверсу». Причем только по моей подписи.

– Ну вот что, – Рудас недовольно поморщился, – я ведь ни на какой архив не претендую. Ваши дела с... – он осекся, – ...это ваши дела. Мы просто будем сопровождать.

В ответ на продолжительное молчание собеседника его желтые скулы заиграли желваками.

– У меня приказ Сиверса доставить и вас, и груз. Иначе – разоружение и трибунал.

Балтийцы возмущенно загудели. Такой оборот их не устраивал. Связывая выполняемую миссию с особым расположением к ним командующего Южным фронтом Антонова, которого они знали еще по Петрограду, братки стали с ненавистью поглядывать на латышей. Конкуренция, всегда существовавшая между этими двумя «авангардами революции», выражавшаяся раньше в тихом презрении друг к другу, грозила обернуться бойней.

Молча рассматривая грязь у себя под ногами, Валерьян подумал, что более выгодного момента и придумать нельзя. Только бы дал Бог уцелеть в стычке! А так – плевать он хотел и на красных, и на белых, и на немцев. С помощью того, что на телегах, столько денег напечатать можно, что его и внукам хватит – в карты проигрывать. Если, конечно, они будут. Взять, скажем, Ценципера в помощники и дернуть куда-нибудь в Батум. Открыть фотоателье, а под ним вырыть подвальчик... Турция рядом, а там любую валюту возьмут!

Моряки все еще держали латышей на мушке.

«Примерно шестнадцать на двадцать, – прикинул Ступичев. – Еще около двадцати гонятся за аксайцами. На последней подводе пулемет. Эх, рука, рука... Если б не рука!»

Подняв глаза на Рудаса, он увидел, что ни командир особого летучего отряда при штабе Сиверса, ни латыши в его сторону уже не смотрят.

«Списали меня со счетов, собаки! Ну так получайте!»

Отчаянная решимость всколыхнула сердце, кровью ударила в голову. Молниеносно выхватив из левого кармана бекеша револьвер, Ступичев выстрелил Рудасу в лоб и тут же кинулся под телегу.

Моряки дали залп на полсекунды раньше верховых. Несколько человек повалились с испуганных коней. Остальные ответили. Ссора моментально превратилась в кровавую свалку. Стреляя из-под телеги, Валерьян уложил еще троих. Отлетевшая от колеса щепка глубоко вон-

зилась в щеку. Если бы рухнувший вслед за Рудасом матрос не закрыл собой часть пространства, Ступичев бы точно щепкой не отделался. Рукопашная схватка была короткой и жестокой. Русский мат и крики на чужом языке, как штыки, пронизали влажный февральский воздух.

После серии выстрелов рык катающихся по земле людей прекратился. Через несколько минут только грузная фигура Бугая с дымящимся маузером в руке возвышалась, пошатываясь, среди бившихся в конвульсиях лошадей. Еще один балтиец сидя поддерживал Доренко, у которого на месте выбитого глаза кровоточила ужасная рана.

– Кончено, благородие? – заметив встающего с земли подьесаула, прохрипел Бугай, держась за бок, где под бушлатом на тельнике расплывалось кровавое пятно.

– Пока только полдела! Кладите раненого, и к пулемету! – закричал Ступичев, стараясь изо всех сил, чтобы не срывался голос.

Видя, что боцман колеблется, подьесаул добавил:

– Помни, у тебя мандат Совнаркома!

Накатывал страх. Риск получить пулю в спину был очень велик.

– Иваныч, пулемет на землю... – вдруг простонал Доренко. – Васька, к Бугаю!

По полю, забыв про казаков, уже летела на обоз вторая часть латышского отряда.

– Давай, а то покروشат нас на хрен! – крикнул молодой боцману, нервно пытаясь вставить ленту в «максим».

– Да не мельтеши, салага, дай сюды! Теперь направляй!

Не ожидавшая напоротья на пулемет взметнувшая клинки конная цепь посыпалась в снег. Смертельный огонь косил всадников, кидая их через головы кувыркающихся животных. Пара минут непрерывной стрельбы – и на сей раз все было действительно кончено.

Лично с помощью револьвера и винтовки убедившись, что в живых не осталось ни одного латыша, Ступичев и молодой матрос с «Цесаревича» подошли к кутившему Бугаю, привалившемуся рядом с Доренко. Тот был уже мертв.

Бугай мутно посмотрел в глаза Валерьяну:

– Салагу учишь раненых добивать, чтоб он флот позорил? А, гнида?

В ответ молодой пнул пустую солдатскую флягу и скривился:

– Плюнь, благородие, меня ничем не проймешь, а этот «борец за идею» уже наакался. Надо ему еще дать – тише будет.

Потом «салага» потянул подьесаула за рукав и уже вполголоса, глядя прямо в глаза, скоро проговорил:

– А добро-то я тебе сховать подмогну.

И озорно подмигнул.

Ступичев насторожился. Он был уверен, что весь его морской конвой считает, будто сопровождает секретный архив Государственной думы. На вопросы, отчего ящики такие тяжелые, словно в них железо, подьесаул отвечал: «А железо и есть. В каждом ящике небольшой сейф, а в сейфе очень важные документы, похищенные из Питера корниловцами. Сейфы с секретом, который знают только в Совнаркоме».

Невыскательную матросню объяснение устраивало. Но набивающийся в помощники салага явно не верил в легенду о ценных документах, это было видно по глазам.

Выдав улыбку, Валерьян оценивающе посмотрел на молодого, крепкого, с яркой внешность парня и, наконец, что-то решив, протянул руку:

– Идет.

Васька Компот никогда не служил ни на «Цесаревиче», ни вообще в Российском Императорском флоте. Родившись в благословенной Одессе, в семье рыбака, он лет до четырнадцати взбивал босыми ногами пыль на кривых портовых улочках. Шаланда отца, гомон и спе-

цифическое амбре рыбного базара, уличный бомонд – все это малевало на холсте его жизни аляповатые сюжеты.

Но однажды отец сгинул в море. Мать, не выдержав, окончательно спилась. А потом началась война с немцами.

Васька нашел подельников и грабанул бордель. Подельников замели, а Компот тиканул в Ростов к тетке, несказанно обрадовав пожилую цветочницу финансовыми вливаниями в ее скромное хозяйство.

Все опять устаканилось. Тетка торговала букетами на Садовой, а Васька с новыми корешами брал приезжих торговцев на «гоп-стоп», производя фурор среди местных любвеобильных девиц. Война же громыхла где-то у черта на рогах, проявляясь только инвалидами на базарах и награжденными в отпусках. Но революция опять все испортила.

Ростов наводнили военные со всей России, торговцев стало гораздо меньше, а в уголовный сыск пришли бескомпромиссные люди. Ваську прихватили и били так, что пришлось сдать всю малину. Взамен, записав в штатные стукачи, его выпустили.

Тем временем Сиверс пошел на Ростов. Узнав, что сидящие в ростовской тюрьме кореша поклялись отомстить, Васька Компот бежал к большевикам.

Тот, кто вырос в Одессе на Ланжероне, не может не любить море. Сына рыбака потянуло к матросам, и те, почуяв родственную душу, приняли Ваську в революционную ватагу.

В боях с Кутеповым отряд поредел. Салага воевал лихо, мечтая вернуться в город и выпустить кишки своим обидчикам. Ваське нравилось быть «авангардом революции». Но козыри, которые давало его нынешнее положение, не всегда пускались им в ход. Находясь на самом острие «экспроприации у эксплуататоров», Васька верил в свой фарт и не разменивался по мелочам, говоря себе: «Ловить рыбу, так крупную».

Еще на Новочеркасском кладбище, когда перегружали ящики на подводы, он понял: пришло его время.

Улучив момент, Компот сорвал с одного из ящиков пломбу и запустил руку под крышку. Холод металлического короба, пронзившего ладонь, бросил в пот. Проведя пальцами по гладкой поверхности, Васька нащупал колесики шифрового замка.

«Точно драгоценности», – решил налетчик, видевший в жизни не одного медвежатника. Прикинув вес деревянного и металлического ящиков и сравнив их с общим весом, Компот усмехнулся, приспособил пломбу назад и пошел помогать «братве».

То, как осел среди могил один из ящиков, от него тоже не ускользнуло. «Ловок, гад, и опасен, – подумал он про Ступичева, – только и я – не фраер. Двумя выстрелами троих не замочить – видно, тот, странный, что в пенсне, хоронить остался. Значит, знает где. Найдем».

Прихватив пулемет, Ступичев, Васька и Бугай торопясь покинули место кровавой стычки. Быстрые сумерки скрыли уходящий в сторону Берданосовки обоз.

Осоловевший от выпитого спирта Бугай тупо раскачивался в такт движению подвод. Штыковая рана в боку кровоточила. Казалось, что боцман вот-вот свалится под колеса.

Пока есть возможность – надо разговаривать, подумал Валерьян и, догнав первую из трех упряжек, которой правил Васька, глухо спросил:

– С чего ты взял, что в ящиках драгоценности?

– Вес не тот, – хитро улыбнулся Компот, сплюнув кровью – одного верхнего зуба в улыбке не доставало. – Хоть короб внутри и из железа, а набей ты его книгами – столько не потянет. Да лошадки, чуть склон – вон как стараются.

Оба немного помолчали, видимо, ожидая друг от друга следующей реплики.

– Пломбу я назад прилепил, – угадав мысли Ступичева, вдруг сказал Компот, – а замок с цифирью, если постараться, и часа не продержится.

«Вот сволочь ушлая!» – подумал подьесаул, но вслух спросил:

– А как же мандат Совнаркома?

– Совнарком в Москве, а вот Сиверс поближе будет. Только и он не бог, а бог – не фраер.

Несмотря на примитивность формулировки, звучала она убедительно. Но даже если бы Ступичев передумал становиться капиталистом, то все равно ехать дальше в таком составе через взбудораженные станицы и ростовские пригороды, да еще ночью, было бы безумием. Нужно, как говорят моряки, бросить якорь в тихой бухте.

Занятый такими рассуждениями, подьесаул не сразу сообразил, о чем толкует Васька.

– ...Этой же дорогой ехали. А перед Новочеркасском дали галс вправо... Тут за селом дом стоял заколоченный, малость в стороне, в балке. Большой дом...

В ответ Ступичев обронил:

– Хорошо. Покажешь.

Дорога к дому вела плохая и была давно не ежена. В темноте чуть не сверзились в овраг – лошадь передней пары оступилась, припав на колени. Но обошлось. Бугая тряхнуло, и он громко заматерился.

– Тише! – шикнул Компот. – Со шляху свалить надо – хотя бы ночь переждать. Ты дрыхни – кровищи потерял много. На вот, глотни еще.

Бугай что-то невнятно прохрипел, но фляжку взял. Сделав несколько судорожных глотков, со стоном повалился на ящики.

– Подыхать будет, а лакать не перестанет, – довольно усмехнулся Васька.

Дом был каменный и очень просторный. Запущенное состояние усадьбы, дряхлая, местами поваленная изгородь – все говорило о том, что жилище давно заброшено.

– Пришлые строили, – заключил Валерьян, оглядывая массивное строение с заколоченными большими окнами без ставен.

Из дворовых построек были только овин и вход в дворовой погреб – ледник, предназначенный для хранения припасов.

Сбив с погреба ржавый замок, Васька сунул голову в лаз и чиркнул спичкой.

– Тут лестница.

– Пошли, дом осмотрим, – позвал Ступичев, – надо из чего-то факелы сделать.

Тяжелую дверь подпирала снаружи доска.

– Никак «гости» заходили, – подьесаул заметил развороченный пулями врезной замок. – Незваные.

Переступая порог, Васька на всякий случай перекрестился.

Сухая пыльная темнота комнат источала еле уловимый пряный дух, а в коридоре пахло мышами и керосином. Запах керосина шел откуда-то из кухни. Войдя в помещение, Валерьян услышал под ногами хруст разбитого стекла и, осветив пол, обнаружил разбитую банку. На столе валялись засохшие объедки, посуда была разбросана и частично побита. В шкафу с висящей на одной петле дверцей неожиданно обнаружилось несколько толстых восковых свечей.

Массивная мебель – комоды, шкафы, кровати – говорила об основательности хозяев и, вероятно, могла бы прослужить еще лет сто. Многочисленные цветочные горшки на подоконниках, затянутые густой паутиной, напоминали о женских руках, некогда лелеявших фикусы и бегонии, а деревянная лошадка – о маленьком ребенке.

Все было развалено и разорено: ящики выдвинуты, занавески сорваны, а матрацы с выпущенными наружу внутренностями валялись под ногами. Даже половицы в некоторых местах – и те приподнимали.

– Мародеры прошли, – Васька произнес эту фразу с видом знатока.

– Не успели, спугнул кто-то.

– У вас, господин подьесаул, вид встревоженный...

– Иронизируете, товарищ Компот? Зря. Хотя... Вы мне подходите. Только не говорите в ответ банального: «Это еще не известно, кто кому...» Я своим делом давно занимаюсь. Здесь что-то искали, и весьма упорно. А теперь надо осмотреть погреб.

Широкие ступени вели в обширное подземелье, выложенное ракушечником. Внутри стоял запах плесени и сгнивших овощей. В колышущихся отсветах возникали кадки, горшки и садовый инструмент. Все стояло на своих местах.

– На камбузе полный порядок! – бодрясь, пошутил Васька.

Груз перетаскивали долго. Нужно было снять его с телег и переволочь к лазу. Дальше тащили ящики вниз по ступенькам, а потом переносили вглубь.

Бугай так больше и не вставал.

Разрушив вход в подземелье и завалив лаз камнями, бревнами и ржавым кровельным железом, остатки постройки подожгли вместе с усадьбой. Пустые подводы подогнали под стены дома, а лишних лошадей отпустили на все четыре стороны.

– Так вернее. В наше время на пепелище мало охотников, – Валерьян с трудом оторвал взор от набирающего силу пламени. – Теперь народ хочет все сразу: и дворцы, и власть.

– ...И буржуйские побрякушки, – подхватил Василий.

Он подошел к лежащему на пополах Бугаю.

– Эй, смотри, а Иваныч-то, кажись, преставился. Сам собой. Жаль...

– А ты его что, в долю собирался взять? – Ступичев смерил Ваську взглядом. – Оттащишь труп в огонь!

«Как-то все спонтанно вышло, неаккуратно... – размышлял Ступичев, седлая лошадь. – Да еще этот флибустьер на мою голову. Хотя парень не трус, сообразительный и ушлый, даже чересчур. Нет, пока не хочется его убивать. С этим успеется. Хорошие помощники теперь ой как нужны. Лучше шустрый вор, чем тупой мясник. Тем более когда за тобой начнут охотиться все кому не лень: и красные, и белые, и фон Бельке... Черт бы их всех побрал!»

Пожар удался на славу. Бушующее пламя пожирало усадьбу с треском и воем, хороня под рушащимися перекрытиями сразу две тайны – судьбу пропавшего груза и загадку хозяев особняка. Пришпорив лошадей, Валерьян и Васька направились в Берданосовку.

Глава 7

«Первый офицерский полк генерала Маркова, представлявший вместе с нежинцами основную ударную силу Добрармии, был сформирован из трех офицерских батальонов, кавказского дивизиона и морской роты. Особенно удивляли своей выправкой и боевой стойкостью морские офицеры. Осколки державного величия, славы и гордости российской – Императорского флота, они были непритязательны в полевых условиях и впечатляюще спокойны перед лицом собственной смерти».

Из дневников очевидца

Станицу Ольгинскую мутило от влитого в нее грандиозного коктейля из военных и гражданских лиц.

По несколько раз в день разношерстные людские массы, подобно приливу и отливу, появлялись, а потом покидали станицу, в соответствии с собственными взглядами на происходящее.

«Деньгоноши»-интенданты в поисках припасов и сапог для добровольцев, студенты на конфискованных экипажах, мужчины и женщины, за любую плату согласные стать на постой, – все это была отступившая из Ростова Добровольческая армия.

Для связи с «братьями по оружию» отправлялся в Заволжье полковник Лебедев, состоящий при генерале Алексееве. Уехали, и вовсе по личным побуждениям, несколько высших офицеров. Прибыл еле выбравшийся из Новочеркасска генерал Лукомский, привезя страшную весть об убийстве недавно избранного атамана Назарова и измене Войскового Круга. С разных сторон, на сытых лошадях, весело гуторя и бряцая амуницией, входили и отправлялись далее отдельные казачьи отряды. Партиями прибывали переодетые офицеры из Ростова. Ехали на телегах раненые, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Кто-то стремился к Корнилову, кто-то уходил от него.

Лиходедов и Мельников, выйдя из хаты на залитую ярким, почти весенним солнцем улицу, отправились искать «резиденцию» генерала Алексеева. По словам встреченных ими партизан из отряда полковника Глазенапа, генерала в станице сейчас не было. Но ротмистра Сорокина они знали: этого офицера лучше всего было искать у марковцев в 1-м полку: там его видели с утра.

– Кстати, рядом с марковцами и бывшие чернецовцы стоят, – сказал полный усатый студент из Ростова, – у них теперь главный – однофамилец главнокомандующего, подполковник Корнилов.

– А Курочкина не знаем, не встречались, – пожал плечами на Серегин вопрос товарищ толстяка, – мы бы отвели, но нас к Деникину с бумагами послали.

– А это кто? – поинтересовался Алексей.

– Как кто? – удивился толстый и, важно подняв над головой палец, по слогам произнес:

– Помощник командующего армией. Во как!

Потом, почесав щеку, сам удивился:

– Вроде генерал, а в штатском ходит...

Повеселев, гимназеры-партизаны отправились в указанном направлении.

– Интересно, кто из наших там? Вот удивятся, в тряпки их душу! – Мельников озорно толкнул Алешку плечом так, что тот чуть не вспахал носом землю.

– Ну ты, герой-отечественник! – Лиходедов со смехом двинул в Серегину спину кулаком, отпрыгивая, на всякий случай, в сторону.

Веселое, легкомысленное настроение, несмотря на царящие вокруг неразбериху и сумятицу, лезло наружу, вопреки всему: невзгодам, страху перед будущим, жалости к раненым, голодному бурчанию в желудке. Солнце упивалось вырванной у зимы свободой, приплясывая рябью в лужах и бликами на штыках, а степной ветер напоминал, что весна неминуема. Еще недавно выброшенный жизнью, как котенок на проезжую улицу, лишенный дома, родительской опеки, понимания своей роли в круговороте происходящего, Алексей вновь ощущал себя частью общего движения, пусть пока и хаотичного, но ищущего твердую опору для своего продолжения.

Наконец-то он видел вокруг людей, убежденных в своих действиях, верящих своим командирам. Глаза проходящих мимо добровольцев смотрели на мир спокойно, без болезненного напряжения и страха.

– Гляди, Серега, они же совсем другие! – Выразительные брови Лиходедова взлетели вверх. Он вдруг сделал неожиданное для себя открытие. – Теперь я, кажется, понял, почему добровольцы ушли из Новочеркасска!

Мельников спрятал улыбку, остановился и недоверчиво спросил:

– Почему?

– Они не ищут выгоды. Им не нужны переговоры с большевиками. Они уже согласились умереть. Они – смертники!

– Ух ты, так-разэтак! А я-то думал, отчего у них со званиями такая чехарда... А они их больше не интересуют!

– Наверное. У них на всех одно звание – офицер.

– Громко, но гордо, так-разэтак.

Дружно замолчав, гимназисты больше не разговаривали. Повернув на соседнюю улицу и отсчитав, как было сказано, девять хат, ребята увидели у десятой бричку с двумя лошадьми и дымящих около нее штабных.

Пройдя в распахнутую настежь калитку импровизированного штаба марковцев, у высокого крыльца партизаны наткнулись на двух черкесов. Суровые часовые молча преградили им дорогу.

– Мы ищем ротмистра Сорокина, – с ходу выпалил Алексей, в надежде уставившись на длинные, украшенные серебряной вязью кинжалы кавказцев.

– Нэлзя туда! – хрипло произнес один из них, окинув Алешку холодным взглядом.

– Но у нас пакет, – важно подбоченился Мельников, – секретный!

– Мнэ отдавай, дэ? – протянул руку старший абрек.

– Приказано лично в руки Сорокину! – настаивал Серега.

Покачав головой, черкес что-то на своем языке сказал товарищу, и тот скрылся за дверью.

Вскоре дверь распахнулась, и порог вслед за черкесом перешагнул высокий, лет тридцати пяти офицер в накинута на плечи новенькой шинели. Ветер трепанул выющиеся золотистые волосы. Увидев гимназеров, Сорокин широко улыбнулся:

– Здорово, птенцы гнезда!... Вы по мою душу? Выкладывайте!

– Николай Григорьевич, – начал Алексей, – мы к вам от Смолякова...

– А где сам Иван Александрович? – оборвал ротмистр.

– Он в Новочеркасске остался. Организовывает подполье. Мы письмо от него привезли.

– Ай-яй-яй! Ну как же это? – неподдельно огорчился Сорокин. – Давай, давай, голубчик, не тяни!

Лиходедов достал конверт.

Ротмистр отошел в сторону и впился глазами в строчки.

– Ч-черт! – ругнулся он, прочтя до середины. Брови над его переносицей сползли. Подняв потемневшие карие глаза на ребят, он сурово бросил:

– Никуда не ходить, ждать меня.

Примерно через час, сидя в хате, где вместе с делегацией стариков из Старочеркаска квартировали партизаны, Сорокин, Лиходедов, Мельников, Пичугин и все остальные участники вышеописанных событий обсуждали, как сказал ротмистр, диспозицию.

Выслушав внимательно каждого из присутствующих, офицер по особым поручениям объявил:

– Ну вот что, завтра в Ольгинскую прибывают Походный атаман Попов и его начальник штаба полковник Федорин. Поэтому сидите все время в хате и носа на улицу не показывайте. Едут они к Корнилову, на переговоры, решать: кто с кем и куда пойдет дальше. В зависимости от этого будем думать, как действовать. Я тем временем один на один переговорю с Алексеевым. Он Смолякова помнит. Знаю одно: честь Ивана Александровича должна быть спасена. Эх, если б вы знали, какой души это человек! Мы с ним столько пережили, пока на Дон пробирались...

– Мы отправимся на поиски груза? – не утерпел Алешка. – Наш Шурка дедуктивный метод знает.

– Вот доложу Алексееву – тогда увидим. Возможно, будем готовить тайную операцию.

Выходя из хаты, Сорокин обернулся на сидящих с сосредоточенными лицами партизан:

– Ч-черт! Ну прямо детектив какой-то!

Делегаты от станицы Старочеркасской вернулись только к вечеру. Их в этот день у Корнилова побывало еще с десяток. Хозяин куреня, дядька Макар – родственник одного из пожилых казаков-старочеркасцев, встречал ходоков во дворе. Возбужденные деды громко обсуждали известного на всю Россию командующего армией и свою с ним встречу.

– Ну, доклат вам Корнилов, куды полки свои двинет, али нет? – ехидно спросил Макар своего родича.

– А ты, Макарушка, не щерься, главнокомандующий – это тебе не баба твоейная, так, с кондачка, не выложит стратегию, разуместь надо! – увещевал его Фома Егорыч, уважаемый у себя в станице казак.

– Ты б слышал, как у станичного правления генерал Корнилов нас с казаками срамил, – с тоской произнес другой ветеран, у которого недавно с фронта вернулись двое сыновей. – Прав-то он прав, Корнилов, да мои орлы с «кадетами» все одно не пойдут – навоевались от пуза. Та и как же уйтить? Завтра нагрянут в станицу большаки, а там хозяйство, жена...

Гутаря так, зашли в хату. Хозяин достал припасы, четверть прозрачной как слеза самогонки и позвал всех вечерять.

– Давайте и вы, хлопчики, с нами, – пригласил партизан дядька Макар, – воинам сила нужна. Та вы не тушуйтесь, небось не объедите старика.

За столом полемика только усилилась. Казаки разошлись во мнениях – куда дальше должна идти Добровольческая армия.

Ветеран Семилетов и еще двое склонялись к походу в Зимовники.

– Степь – она казака не выдаст. У Корнилова нашего брата сразу прибудет, коли он с Дона не пойдет. Ты, Фома Егорыч, как хош понимай, а на Кубань надежа слабая. Тама хоть, баят, и побогаче нашего живут, а казаки те же. Тем паче не оставят куреней своих.

– А где ты в Зимовниках на пять тыщ ртов провианту возьмешь? Там ведь, окромя зерна немолотого да сена, ни хрена нетути. А скота нынче везде мало, порезали скотину-то! А обмундирование? «Кадеты» голы да босы, патронов у них, опять же, нема. Им город нужен, Екатеринодар, стало быть!

С разрешения стариков, в спор вмешался Барашков. Высокий, немного грузный молодой человек с вьющейся мелкими кучеряшками смоляной шапкой волос и почти римским профилем имел свое четкое суждение почти по каждому поводу.

– Степной район, – с важным видом заявил студент-химик, – пригоден только для мелких партизанских отрядов и представляет большие затруднения для жизни целой армии. Зимов-

ники значительно удалены друг от друга, и располагаться в них можно лишь мелкими частями. А такая разбросанность требует наличия полевой связи.

– Ну, прямо граф Суворов, стратег! – с уважением посмотрел на Барашкова Фома Егорыч. – Что, съел, Семилетов? Попомни меня: на Кубань Корнилов пойдет.

– Ой ли, Егорыч. Погоди, Походный атаман прибудет, вот тоды решится. У него одних пулеметов штук сорок, а еще, казаки гутарили, орудия имеются.

* * *

«На военном совете, собранном в связи с приездом Походного атамана Всевеликого Войска Донского, мнения разделились. Одни, во главе с генералами Алексеевым и Деникиным, настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Попов и его начальник штаба Федорин, наоборот, уговаривали Корнилова идти в Зимовники. В этом случае к добровольцам присоединился Степной отряд, насчитывающий 1500 бойцов, 5 орудий и 40 пулеметов. В конце концов доводы последних перевесили, и конный авангард Добровольческой армии, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток.

По настоятельной просьбе генерала Деникина сделано это было с оговоркой: собрать дополнительные сведения о районе».

Из дневников очевидца

Наутро Ольгинскую взбудоражило сразу два известия. Первое касалось прибытия в станицу Походного атамана Попова со штабом, во втором говорилось о бое за какой-то обоз, который якобы привезли партизаны полковника Глазенапа, посланные в Аксайскую за остатками казенного имущества.

Неизвестно, было ли первое каким-то образом связано со вторым, но станичный сбор в Аксайской, по словам партизан, проходивший с необыкновенным подъемом, постановил сформировать две пешие и одну конную сотню для борьбы с большевиками. Молва принесла: у Большого Лога станичники порубили карательный отряд красных, состоявший из латышей и матросов.

* * *

«В общей своей массе настроения казачества мало чем отличались от настроений российского крестьянства. Не испытав еще на своей шее „прелестей“ большевистского управления и не получив ничего от „корниловщины“, казаки больше всего боялись ввязываться в междоусобную распрю.

Как правило, слушая агитаторов с обеих сторон и соглашаясь с ними, станичники применяли тактику депутатий.

Депутаты часто были навеселе и в чрезвычайно воинственном настроении. После долгих заверений в лояльности и изложения различных стратегических соображений, как правило, следовали просьбы о помощи финансовой, боеприпасами и амуницией. Когда же на другой день в станицу приезжали представители какого-нибудь командования, то оказывалось, что никого собрать нельзя, и сами депутаты беспомощно разводили руками и ругали мифический Круг, который их посылал. На том дело и кончалось, пока большевикам это не надоело. А, как известно, налетевший шквал суров

и беспощаден: в его стихии гибнут или властвуют, а иное он обращает в человеческую пыль...»

Из дневников очевидца

На вопросы дядьки Макара, казака, принявшего их на постой: «Куды вы, хлопцы, тепе-реча приписаны?» или «А кто у вас атаманит?» Лиходедов отвечал, что ротмистр Сорокин велел им пока отсыпаться, а после того как в штабе разберутся со стратегией, обещал поставить их на довольствие в команду связных.

– Значится, вы при штабе будете, – с видом знатока подытожил дядька Макар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.